

СЕРИЯ: РЕДАКТОР КАЧАЛКИНА
FRESH

ТЕКСТ: ПОЛТОРА
КИЛОГРАММА
СОЛИ

АВТОР: ТАТЬЯНА
ЛЕОНТЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО: РИПОЛ КЛАССИК

Татяна Леонтьева

Полтора килограмма соли

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьева Т.

Полтора килограмма соли / Т. Леонтьева — «РИПОЛ
Классик», 2016

ISBN 978-5-386-09158-3

Судьба – не конфета, мир – не праздник. Нам часто кажется, что людям нужны розовые очки для того, чтобы смотреть на жизнь. А порой им нужно просто «полтора килограмма соли» на двоих, чтобы понять что-то самое важное и полюбить по-настоящему.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-09158-3

© Леонтьева Т., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Часть первая. Полкило	7
29:66	7
13:50	12
29:66	18
14:51	21
29:66	26
16:53	32
29:66	37
19:56	41
29:66	49
24:61	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Леонтьева

Полтора килограмма соли

© Леонтьева Т. В., текст, 2016

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

Я ненавижу книги.

Каждое утро я встаю, пью кофе, смотрю в окно и ненавижу книги. Одиннадцать лет. Каждый день и даже во сне я ненавижу книги и ищу истории, которые могли бы ни много ни мало... изменить мир. Мой мир, ваш мир, наш мир. Превращаю истории в кирпичики из бумаги и картона, кирпичики побольше и кирпичики поменьше, потолще и потоньше, черные и белые (только не горелые)...

Толстой. Достоевский. Гоголь. Ну, Булгаков. Ну, Чехов. Висят над школьной доской, пылятся. Их профили выбиты на медальках, напечатаны на конфетных фантиках, отлиты в бронзе, высечены в мраморе. А есть другие. Без фантиков, мрамора и даже без школьной доски. Неизвестные, не знакомые ни мне, ни вам (порой до самого выхода тиража из печати), но похожие друг на друга в одном: у них за душой есть классные истории.

Эти истории могут стать для вас... ничем не стать. А могут – утешением, советом, помощью, путешествием куда-то, откуда вы вдруг все увидите в невероятно четком свете и тут же все поймете, как будто знали всегда. Написанные из радости и боли, но никогда – из равнодушия. Из любви и ненависти, но ни разу – из душевного холода.

Берите, читайте или просто пролистывайте. Мните, разглаживайте, загибайте и отбивайтесь от (подставьте каждый что-то свое). Забудьте сразу по прочтении или запомните навсегда.

А я... я найду еще;)

Ваша Юлия Качалкина

У меня дома всего пять книг. Большая, маленькая, синяя, коричневая и... Мураками! Я не очень помню, кто автор у четырех из пяти, а с Мураками я люблю пить вискарь и слушать джаз.

Главное, зачем мне нужны эти книги дома – затем, что я их люблю перечитывать. Вот эта – про любовь и прощение, вот эта – по приколу, а вон та – про то, что грустное на самом деле часто – очень смешно – помогает не драматизировать всякую житейскую фигню.

Для меня книга – это кино, которое я сам режиссирую в своем воображении. Ни больше ни меньше. Посмотрел,

получил эмоции и дальше ищешь что бы такого «снять». Меня интересует только история. Хорошая и хорошо написанная. И, желательно, не про вселенскую тоску, какое бы имя ни стояло на обложке и какие бы литературные премии книга ни получила.

Вообще не понимаю, зачем литературу сделали знаменем снобизма. Я обычный нормальный читатель, и я хочу просто развлечься. Хоть с Чеховым, хоть с этой, в черной обложке.)

Лишь бы история была клевой, и автор не зануда)

Владимир Чичирин, обычный читатель.

У меня никогда не было книжных полок, но я всегда покупала книги и закапывала их по углам в квартире, заваливала столы, набивала ими пакеты и откладывала на время, пока не приобрету большие такие, высокие книжные полки. Когда они появились, книги легли на

них все своей массой и... застыли во времени, в ожидании, когда я их возьму и перечитаю. А я не брала и не перечитывала, некоторые даже ни разу не открыла. И стою я теперь периодически, любуясь на полки, и не поднимается у меня рука, чтобы нарушить порядок. И я стала думать, почему так: вроде бы все как надо – есть коллекция, живущая в уютном месте, а интереса прочесть нет, что случилось? И поняла, что случилась жизнь: «постарели» эти книги, а я как бы «помолодела». И неохота мне читать ладно скроенные по шаблону произведения, открывать одни и те же угрюмые обложки НАДОЕЛО. Хочется легкости «книжного бытия», хочется по-настоящему талантливой литературы, умеющей простым и веселым языком сказать о любых вещах, даже мрачных.

Теперь у меня есть книжные полки, и, хотя я знаю, что когда-нибудь и это новое осядет тяжелым нечитаемым грузом, я готова произвести революцию: повыбрасывать сегодняшнее избитое старое и поселить там то, что действительно будет пусть временно, но «работать» на меня-судовольствием читаться...

Ольга Байкалова, пока лояльная коллега

Часть первая. Полкило

29:66 Пряжка

Я живу на набережной реки Пряжки. В Питере «попасть на Пряжку» – то же, что в Томске «в Сосновый Бор». То есть угодить в дурдом. Мало того что название у реки какое-то странное, так на ней еще и психбольница расположена. Настоящая психушка за колючей проволокой в трех шагах от моего дома. А в двух шагах – интернат для детей из неблагополучных семей. Может, это они и мельтешат на площадке за моим окном до позднего вечера. Но соседка говорит, что они обычно суют в почтовые ящики зажженные газеты, а не гоняют в футбол.

Одна я боюсь ходить по квартире и все эти дни просто-напросто прирастаю к дивану. Хотя тут и ходить-то особо негде: девятнадцать квадратных метров. Но когда Ковален уехал, мне стало казаться, что я в пустом ангаре.

Вот тут, у подушки, валялись его очки, на которые он постоянно садился.

– Опять очки давишь, Алексей Николаич? – задирала его я.

– Опять! – важно отвечал Ковален и резко хватал меня за юбку.

Я взвизгивала от неожиданности и приземлялась у него на коленях. И тогда мы уже вместе давили его очки. Теперь нет никаких очков, даже поломанных. Мои – у меня на носу.

Подоконник был завален библиотечными книжками, которые я ему добросовестно таскала. Книжки мешались с журналами, его записками, рукописями и дневниками. Те-

перь подоконник чист. Можно открывать окно и разглядывать спортсменов или ребятишек с мячиками. Но мне не хочется.

На кухне возле чайника стояли пузырьки с корвалолом и валерьянкой. Их Ковален называл «мазявочками». Мне это слово жутко не нравилось почему-то. «Купи мазявочек». Тьфу! Как будто ими что-то мажут. Не мажут же, а на ночь пьют, чтобы крепко спать. Ну а теперь и возле чайника зияние.

В шкафчике сиротливо болтаются две рубашки. Он их никогда при мне не носил. Мне кажется, он просто оставил ненужные рубашки.

Квартиру сняла, потому что ждала Ковалена. Это был первый случай, когда я обратилась в агентство. В полной уверенности, что меня все равно надуют. Просто я пока не знала как именно. Я отыскала офисный центр на Сенной, поднялась на нужный этаж и заглянула в маленькую комнатку. Три стола, три компьютера, карта города. Вот тебе, блин, и агентство недвижимости. К стене приклеен «Список недобросовестных риелторов».

«Для отвода глаз», – подумала я.

Ко мне прикрепили темноволосую тетеньку предпенсионного возраста. Звали ее Айгуль, улыбалась она приветливо. Правда, очень потела и жаловалась на приливы. Я подумала, что это тоже такой ход: прикинуться простой теткой, втереться в доверие, а потом развести на бабки.

Я изложила суть: нужна квартира в центре города за пятнадцать тысяч рублей. Ну максимум за семнадцать. Это две трети моей зарплаты.

С Айгуль слетела улыбка, а остальные тетки отвлеклись от своих клиентов и закричали наперебой:

– Ну это, девушка, ваще нереально!

– Да вы где такие цены видели, а?

В их интонациях звучали личная обида и возмущение. Но я осталась тверда и не шелохнулась в своем кресле.

– Мне нужна квартира-студия. В любом состоянии.

Да. Вот так-то. Меня не так просто сбить столку.

Айгуль вздохнула и принялась рыться в базе, искося на меня поглядывая. Я строчила Ковалену сообщение.

– Это вы чего там? Номера телефонов записываете? – проворковала Айгуль.

– Какие номера? – опешила я.

Мы устали друг на друга, оценивая ситуацию. Постепенно до нас стало доходить реальное положение вещей. Я подозревала Айгуль в кидалове, а она подозревала в кидалове меня. Думала, что я номера хозяев списываю, чтобы им потом напрямую звонить, без всяких агентств. Так, изучив друг друга, мы на какое-то время успокоились.

И Айгуль отыскала мне эту квартиру на Пряжке.

Показывал ее бывший жилец, холеный юрист, мой ровесник. Я очень давно не имела дела со своими ровесниками, поэтому неприятно удивилась. Оказывается, они уже не тонкошеие птенцы, а здоровенные дядьки, набирающие лишний вес.

– Не квартира, а сказка, – приговаривал жилец.

В эту студию я и сама вцепилась мертвой хваткой, как только увидела. Нет, конечно, она крошечная. В туалете не было двери. Вместо ванной душевая кабина прямо в коридоре. Но ребята, ремонт! Плитка и линолеум, а не паркете щелями! Стены зашиты в пластиковые панели, а не осыпаются на тебя штукатуркой. Стеклопакет, а не разошедшаяся рама, сквозь которую дует ветер... Правда, говорят, что при пожаре эти пластиковые панели выделяют ядовитые вещества. Но я же не собираюсь устраивать пожар?

После коммуналки на Боровой, где меня целый сезон изводили клопы и оргазмические стоны соседки, все это показалось мне Версалем.

– Я согласна, – объявила я и оставила залог.

Последнюю ночь на Боровой я проспала в полной уверенности, что завтра не обнаружу ни квартиры, ни жильца,

ни агентства стремя столами. Завтра там окажется какой-нибудь склад сухофруктов, закупленных на мои деньги. Тетки удивленно вскинут брови: какое агентство? Какая Айгуль? Какие приливы? И я останусь с носом.

Но назавтра Айгуль выдала мне ключи, и я в большом волнении отправилась на Пряжку. Наверное, не подойдет ключ. Вот в чем дело.

Ключ подошел. Но, распахнув дверь, я наконец поняла, в чем подвох. На меня дохнуло подвальной сыростью. Первый этаж. В окно можно заходить с улицы. Вчера все это я почему-то не разглядела и не учуяла.

Радость моя была несколько отравлена.

Но я все равно принялась вить гнездо и ждать Ковалена.

На Пряжку меня завозила Алиса Александровна, мой директор. С мужем. На двух машинах. Я, вообще, старалась не впутывать ее в свои личные дела. То есть как – не впутывать? Просто не посвящать. Потому что дела у меня чаще всего хреновые, да еще и дурацкие ко всему прочему. По сравнению с ее, Алисиными, делами... все это ерунда и детский лепет. А порой так и просто-напросто безобразие, озвучить стыдно. В общем, я как-то старалась не рассказывать про себя, про друзей, кто чем занимается... Про семью Алиса и сама не расспрашивала. А мое материальное положение она себе вполне могла представить. Только что это меняло? Ну и мало ли кому денег на жизнь не хватает? Кто виноват, что у меня нет собственной квартиры? Что ей теперь, на содержание меня брать из-за этого или удочерять?

Алиса могла при случае зарплату выдать на месяц вперед или отгул... Советом помочь, если что. Входила в положение. Мне лишний раз и обращаться к ней не хотелось. Но с этой Пряжкой я враз влезла в такие долги, что даже тысячи на переезд не могла себе позволить. А Ковалена дергать не хотелось. Мало ли что он там решит.

Может, к нему эта квартира не будет никакого отношения иметь.

И вот пришлось попросить Алису меня перевезти. Потому что – внимание! – нет у меня ни одного друга с машиной. Там, в Томске, у каждого второго. А тут – тут да, только пешие неудачники.

Был выходной день, Алиса приехала на своей машине, и муж – на своей. Я очень удивилась, зачем еще и Женю напрягать, зачем такой кортеж. Но Алиса оказалась прозорливой: вещей у меня набралось немало. Это ведь когда они на полочках стоят и в шкафу разложены – как будто их и не существует вовсе. Все припрятано, смотришь по сторонам и умиляешься своему нестяжательству. Радуешься минимализму. Вот, думаешь, и без утюга обхожусь, и мебели у меня никакой. Вся хозяйская.

Но, когда я выгребла все пожитки и растолкала по баулам, настроение мое резко ухудшилось, а я и так была в мандраже по случаю переезда. Куча сумок с обувью и зимней одеждой. Книги – адски тяжелые. А еще папки с рисунками, планшеты, матрас в рулоне, обруч и ведро с посудой. Откуда ее столько набралось?

Алиса никогда у меня в гостях не была. Иногда подъезжала к дому, завозила документы, например. Я всегда спускалась вниз, и ни о какой чашечке чаю речь не шла. И на этот раз Алиса ждала меня внизу. Я спустилась с первой партией барахла.

– А где фикус? – заулыбалась она. – Как же без фикуса?

– Гиацинт в спячке. Соседке оставила, – отмахнулась я и стала трамбовать баулы на заднее сиденье.

Алиса руководила.

Цветы, кстати, у меня никогда не приживались, и сама я стараюсь их не заводить.

Алисиного мужа я зову просто Женей. На «вы», но без отчества. Мне его так представили – так и повелось. Меня это очень смущает, потому что Алиса-то – Алексан-

дровна, а он как будто ниже рангом рядом с нею. Мне кажется, что он может комплексовать из-за этого. Вот она – директор, предприниматель. А он наемный работник, ездит в офис. Я, когда с ними обоими общаюсь, избегаю их по именам называть. Как я так воскликну: «Алиса Александровна! Женя! А знаете что?» Нет, тут сразу все и обнаружится. Хотя что обнаружится? Как будто они сами не знают, кто где работает. Да и не комплексует Женя вовсе. Он весь такой уверенный, и вроде как считается записным красавцем: темноглазый брюнет, волосы полудлинные, складываются в прическу свободного художника. Ироничный. Иногда подшучивает над Алисой прямо при мне. Мол, ох уж эти женщины, ох уж эта женская логика. Алиса никогда не взбрыкивает и не бросается на защиту ущемленных прав. Напротив, подыгрывает. По-моему, это прочный союз.

Женя поднялся ко мне на этаж за вещами. Не знаю уж, что он подумал про коммунальные интерьеры, но ничего не сказал. Зато на Пряжке высказался как следует.

Я торопливо отперла дверь, прошли мы все в обуви, и я уж думала, что мои благодетели побросают вещи и умотают восвояси наслаждаться остатком уик-энда. Но не тут-то было. Банно-подвальный дух никуда и не думал испаряться и как следует обволок моих первых гостей.

Женя огляделся и сказал:

– А вы тут долго... жить собираетесь?

Я что-то забормотала про вытяжку и проветривание.

Алиса стояла на пороге и молча жевала жвачку. Взгляд у нее сделался настороженный.

– А где спать будете? – продолжал Женя. В комнате не было никакой мебели, кроме тумбочки, сооруженной холеным юристом.

Я пнула ногой рулон с матрасом:

– На матрасе пока, а потом что-нибудь придумаю. – Я вложила в свою реплику всю доступную мне беспечность. Ах, зря я все это затеяла. Надо было занять тысячу на грузовую газель, делов-то. Сэкономила! Теперь красней вот. Все триумфаторские чувства с меня как ветром сдуло.

– Вот на этом? – Женя тоже пнул несчастный матрасик. Да, он был достаточно тоненький, снятый со сломанной раскладушки. – Вы что, совсем... ку-ку?

И Женя даже постучал пальцем по виску.

Пока я думала, обижаться ли мне на такую фамильярность, он обратился к Алисе:

– Ты ей что-нибудь должна?

Алиса внимательно на меня посмотрела и отрицательно покачала головой.

– Делай что хочешь. Но, по-моему, надо ехать в «ИКЕА» и покупать ей диван, – заключил Женя. Сложил руки на груди и замолк. Мол, мое дело предложить, а если вы бабы такие дуры, то это ваши проблемы, у меня нет времени с вами тут валандаться.

– Поехали, – согласилась Алиса. – Это действительно никуда не годится.

Меня они уже не спрашивали и вообще выражались обо мне в третьем лице. Как будто я человек конченный или по меньшей мере бестолковый. Меня посадили в машину, и тем же кортежем, но порожним, мы двинулись на окраину. В «ИКЕА». Я причитала, что не надо мне таких благ, Алиса говорила, что диван будет в счет новогодней премии и ничего страшного.

– Но вы поймите, что тут жить нельзя, Таня, – диктовала она. – Вы тут себе заработаете туберкулез какой-нибудь или радикулит. Я вам тут не разрешу жить. Ну или обещайте мне, что застелете пол войлоком. Я вам сама оплачу войлок, хотите? Там же пол холодный! Там подвал под ногами! Там пол ниже уровня моря! И кругом влага! Это Питер! Не забывайте, где вы живете.

Я вяло возражала, описывала ужасы коммуналки, но срущая под дверь кошка и даже клопы не поразили воображение Алисы Александровны.

– Там тоже было холодно! Там из щелей знаете, как дуло! – доказывала я.

Но все это уже никак нельзя было продемонстрировать, и потому звучало неубедительно. А из окна правда дуло будь здоров. Когда я зимой ложилась спать на ту самую раскладушку, накидав на себя все одеяла, у меня от ветерка из оконных щелей колыхалась челка. А укрываться с головой я не любила. Так и задохнуться можно нечаянно.

В «ИКЕА» мной овладели смешанные чувства. Мы ходили по всем этим выставочным залам. Сборная такая компания. Яркая Алиса, красавец Женя и я – не пойми кто. Алиса выбирала себе полочки в кладовку и, как настоящая женщина, бросала в тележку то подушку, то вешалку для своей коллекции платков. Женя замерял полки бумажным сантиметром и прикидывал, как они впишутся в кладовку.

Я смотрела только на цены. Но и во мне, видимо, тоже что-то есть от настоящей женщины. Глядя на все это изобилие, я представляла, что это я не с директором тут прогуливаюсь, а с Коваленом. И мы выбираем всякую мелочовку для нашего нового дома. И я не думаю о деньгах. А потом мы идем отмечать покупки в ресторацию и едим шведские фрикадельки со сладким соусом.

Диван я выбрала самый дешевый. Под шумок купился еще и шкафчик. На колесиках, из плотной ткани, пара полочек внизу и вверху перекладина. Шкаф-палатка. Все это добро Женя довез до Пряжки, предлагал собрать, но я заверила, что и сама управлюсь. Там же инструкции как раз для таких безруких, как я! «Ну, как знаете!» – выдохнул Женя и уехал с чувством выполненного долга.

Я действительно справилась и собрала все эти конструкции. Разложила вещи. Плита еще не была подключена, но чайник у меня электрический. Я заварила чаю, водрузила чашку на раскладной пленэрный стульчик, прикрыв его деревянным планшетом. Долго думала, можно ли в новом доме курить.

Можно, решила я. И закурила. В отсутствие свидетелей триумфаторские чувства понемногу вползали обратно в мое

сердце. Съемная квартира в центре города. В Коломне. За пятнадцать тысяч. Новый диван, никем нетронутый и не оскверненный. Может, этот диван станет нашим с Коваленкой брачным ложем. Мои вещи висят в моем шкафу. Все это купила я. Фантастика!

13:50 Коваль

Вообще-то мы с ним знакомы лет шестнадцать. Это я так говорю – «Ковален», «Коваленочка», «Лешенька», а ведь очень долго я звала его Алексей Николаичем и на «вы». Или, расхрабрившись, по фамилии: «Коваленко».

Нет, наверное, не с этого надо начать. Конечно. Самое главное – это разница в тридцать семь лет. В принципе, Ковален годится мне в дедушки. Теоретически. Если бы он родил сына лет в семнадцать, а сын родил бы меня в восемнадцать... Но, слава богу, произошло не так.

Хотя наши корни некоторым образом переплетаются. В сорок пятом Коваленкин отец и мой дед лечились в одном госпитале. В Прокопьевске. Представляете, лежат два молодых солдата на соседних койках. У одного желудочное кровотечение, другому осколки из ноги выковыривают. Может, ночами они переговариваются в темноте, байки какие-нибудь травят. И ни за что ведь не догадаются, что сын одного и внучка другого заварят такую кашу спустя полвека.

Я не помню точно, когда увидела его в первый раз. Но отлично помню, как в школу пришел Ярославцев.

Школа наша в Томске была самая заурядная, типовая трехэтажная. В шестом классе мы перевелись на третий этаж и свысока поглядывали на малышей. Первая любовь, знаете ли, первые дискотеки, мальчики по плечо любой девочке. Я была самой низенькой, поэтому меня часто приглашали на танец. Уж точно не за красоту. Самой красивой в классе была рыжая Белка. А самой умной – Чпокс, задачки по математике щелкала как орешки. Белка умела красить ресницы и завивать волосы плойкой. Я ничего такого не умела и задачки осиливала с трудом. Я носила круглые детские очки, от которых отскакивала золотая краска. Зимой под колготками у меня прятались синие рейтузы с лялочкой под стопой. Лялочка истерлась, а синий цвет пробивался наружу сквозь черный и очень меня терзал. Мама не выпускала на улицу, не убедившись, что я утеплилась. И я выходила толстоногая. Весь этот слой собирался под коленками некрасивыми складочками, и я прятала ноги под парту.

В соседнем дворе жил второгодник по кличке Убыток. Завидев меня, он кричал: «Эй, очкастая!» А я всегда делала вид, что ничего не слышу. Как будто я глухая, а не подслеповатая.

Я всегда была очень стеснительная.

В то утро я слушала прогноз погоды и лениво возила завтрак по тарелке. А ну как объявят, что на улице минус сорок? Тогда можно будет никуда не ходить, залезть под одеяло и читать книжку. Но фиг вам. В дверь уже стучалась Наталка.

Наталка жила в соседнем доме, и в школу мы обычно ходили вместе. Борясь со сном, мы пересекали двор, миновали киоски и с тоской поглядывали на сугробы. Почему не выходные? Завалились бы и копошились в снегу, пока варежки не задубеют.

Но куда уж там! За киосками виднелась школа. Наши окна горят. Ульяна Валерьевна ждет. Ульяну Валерьевну мы за глаза звали просто Ульяшей. Как-то панибратски, но все же не так грубо, как «классуха».

В тот день Ульяша не отпустила нас после звонка, даже придержала ручку двери, чтобы мы не вынеслись лавиной. И объявила, поправив очки и уперев руку в бок:

– Девочки! И мальчики. У нас в школе открывается поэтический кружок. Сбор в актовом зале в час. Все, кто пишет стихи, обязательно приходите. Ведет председатель Томской писательской организации Ярославцев! Иннокентий Александрович.

Это прозвучало очень торжественно, и стало ясно, что такое событие – ну, выходящее из ряда вон. Председатель! Организация!

Белка передала мне записочку: «Ты пойдешь?» Я приписала «Ага» и сунула ей обратно. Наталка пошла с нами. И Чпокс тоже.

Вот, вообще, вы представляете, что такое настоящий писатель? В детстве кажется, что писатели – они все уже умерли давно, а портреты висят в кабинете литературы. А тут живой, да еще и важный такой, председатель. То есть всем писателям писатель.

Ярославцев оказался седой и солидный. Невысокого роста, в плотном пиджаке. Борода темная, глаза живые и с хитрецей, немного татарские. Нос бульбочкой. Стоял он, запустив руки в черную сумку, как будто Дед Мороз с подарками наготове.

– Ребята, кто хочет прочитать свои стихи?

Голосу Ярославцева был мягкий, и сам он весь излучал какой-то уют, неторопливость и степенность.

Собравшихся хватило на половину первого ряда. Мы расселись на крашенные деревянные стульчики, хихикали и толкали локтями друг друга. Потом по одному вскарабкались на сцену и зачитали доморощенные вирши. Ярославцев приставил короткий указательный пальчик к переносице (этот жест выражал у него некоторое затруднение, как я потом поняла) и принял в кружок всех желающих. А из сумки выудил свои книжки одну за одной и раздал нам, сделав дарственные надписи.

С этого дня началась совсем другая жизнь. Оказалось, что все мы начинающие поэты! Белка писала поэму про Ельцина, Наталка только про кошек. Чпокс старалась над философской лирикой. Я писала про любовь.

Нет, нельзя сказать, что до этого все было скучно, а тут началось. У меня вообще был тот случай, когда «драмкружок, кружок по фото, а еще мне петь охота...». Я ходила в художку и в музыкалку, куда не нахватала в музыкалке двадцать двоек и не отчислилась. А тут еще и поэtkpуж, как мы его называли. Но поэtkpуж – это совсем другая песня, не то что ходить по расписанию в художку и вырисовывать овалы, которые мне никогда не давались. Тут... да что говорить!

Во-первых, Ярославцев наши стихи публиковал в «Сибирских Афинах». Представляете, кропаешь себе что-то в школьной тетрадке, а потом на предпоследней страничке альманаха – вот, твое родное стихотвореньице, а рядом Наталкино, тут же Белкино...

Но круче всех у нас была Чпокс.

Собственно, Ковален сначала на нее внимание обратил. Я вообще была как будто ни при чем.

...Во-вторых, Ярославцев нас приглашал в Писательскую.

Писательская организация тогда находилась в старинном здании в самом центре города. Сесть на четверку или в девятнадцатый – и минут через двадцать выкатываешься на главную площадь. А там – совсем не то, что в нашем жилом районе. Там не какие-нибудь панельные дома в пять или девять этажей, а каменные. И все разные. С арками, с колоннами. А если спуститься к реке, то попадаешь в частный сектор – к деревянным домам с резными воротами и наличниками.

Пожалуй, тогда мы были еще слишком бестолковы, чтобы все это убранство ценить. Но центр был манящим пространством, имеющим отношение только к миру взрослых. Туда не то чтобы родители запрещали ездить. Туда нужен был повод, чтобы попасть. Как-то не принято было гулять в центре. Всю жизнь нарезали круги потрем дворам, так, казалось бы, с чего это вдруг переться куда-то на автобусе. И вот этот повод у нас появился.

Без мам, без пап, мы такие вроде бы самостоятельные, идем к писателям в гости. Мы даже нашли неподалеку кафешку в Доме быта и стали в нее заглядывать. Брать чай с булочкой и смотреть на город из окошка. Это же не то, что в школьной столовой, правда?

И так мы выпивали чай с булочкой, потом брали каких-нибудь печенек на карманные деньги – и к Ярославцеву.

Писательская располагалась на третьем этаже, в двух смежных комнатах. В конце коридора. Помимо нее там вообще всякие союзы теснились. Идешь по коридору и читаешь таблички: «Союз художников», «...композиторов»...

А вот и наши писатели. Ярославцев всегда был на месте. Мы заваливались гуртом и неловко топтались в дверях. Потом проталкивались и рассаживались на стулья с высокими спинками. Оглядывались. На полках столько книг! Неужели это всемогичи написали? Доставали печенки. Потом выуживали из сумок смятые от волнения тетрадки и читали «что-нибудь новенькое».

Вскоре мы освоились и уже сами заваривали чай и бегали мыть посуду.

В дверь постоянно кто-нибудь заглядывал – поэтессы или прозаики. И все настоящие! Очень скоро мы знали их всех наперечет. И вот однажды появился Коваленко.

Господи, как же мы его возненавидели!

Первая баталия разгорелась на День старшего поколения. Мы тогда уже учились в восьмом классе, и Ярославцев пригласил нас в Писательскую – выступить. Вроде как подрастающее поколение поздравляет заслуженных литераторов.

Мы ответственно явились и дрожащими голосками продекламировали припасенные строчки. На этот раз Чпокс читала про любовь, а я взяла на себя «рассуждения о жизни». Было у меня такое, коротенькое:

*Я подружилась с горечью,
В душе моей темно.
Мне хочется быть сволочью,
И хочется давно.*

Чушь, конечно, все это были какие-то выдуманные мысли. Чего там, в тринадцать лет, может быть? Какое «темно», какая «горечь»?

Но писатели умилялись и аплодировали. Вскоре поспешили перейти к более интересной части – банкету. Весь длиннющий стол был уставлен бутербродами и напитками. Нас с Белкой посадили к незнакомому дядечке, а Чпокса затолкали куда-то напротив. Ярославцев предоставил нас самим себе и общался с поэтессами.

И вот тогда я увидела Ковалена. Мы про него уже не раз слышали. Мол, такой талантливый, совсем недавно пришел в Писательскую, и уже книжку выпустил, и уже член союза... Ярославцев поговаривал, что приведет его к нам в школу, чтобы мы послушали.

Коваленко – высоченный мужик, широкоплечий и, прямо так скажем, пузатый. С густой шевелюрой, редющей где-то на затылке. Но тогда он еще был хвостат и хвост стягивал детской резиной. Такими я закрепляла косички, если хотела навить к утру кудрей.

Нос у Ковалена о-го-го, еще пуще, чем у Ярославцева. Как у Жерара Депарадье, пожалуй. Любопытный такой нос, резко выдающийся вперед и чуть смятый набок. Поэтому с одного боку профиль Ковалена стремителен и хищен, а с другого выглядит каким-то незащищенным. С этого бока по крылу носа бежит синенькая венка.

Писатели пили. Нам, естественно, наливали минералки и соков, а любезный дядечка, мой сосед, то и дело передавал бутерброды. На первом же поверх ветчины лежал жирный черный волос, свалившийся с чьей-то писательской головы. Мне стало противно, и я съежилась в немой борьбе с бутербродом.

А краем глаза следила за Коваленко. Он тоже на меня поглядывал, но пристал – да, мы потом так об этом и говорили: «пристал» – к Чпоксу.

Чпокса на самом деле зовут Ксюша. Она длинная и нескладная, и двигается рывками, как будто ее кто-то за ниточки дергает. Это у нее наследственное, у них вся семья такая – длинная Сутулая Мама, изможденный Худой Отец и Тощий Мешок, младший братец, с кото-

рым они делили комнату и постоянно дрались. Чпокса дразнили наши мальчишки, но мы ее оберегали. То есть от мальчишек оберегали, а сами втихаря посмеивались. Передразнивали ее походку. Пересказывали ее перлы. Но это не потому, что она очень уж смешная, а мы такие жестокие. А потому, что Чпокс всегда о себе очень много думала. Нам так казалось, что в глубине души она всех нас презирает – и Белку, и меня, и уж тем более Наталку с ее кошками. И даже на Ярославцева смотрит иронически. Не говоря уж о мальчишках и Уляше.

Коваленко выпил залпом что-то крепкое, подсел к Чпоксу, положил руку на спинку ее стула и сказал:

– Вот ты, красавица, пишешь о любви.

Утвердительно так.

Чпокс подняла на него свои огромные глаза и пока молчала.

– Я вот тоже пишу о любви, – продолжал Коваленко не спеша, как бы готовясь к длинному душевному разговору. – А об этом можно писать, только если страдаешь. Вот ты – страдаешь?

Чпокс дернулась, покривила губы и ответила, не раздумывая:

– Ничего я не страдаю! С чего вы взяли? – И запрокинула голову, стараясь смотреть свысока.

– Нет, ну стихи-то настоящие, – подольстился Коваленко. – Такие только от душевных мук...

Чпокс нетерпеливо поерзала и перебила:

– Да не страдаю я, говорю же. Стихи – это... стихи. Выдумка.

– Ах вы-ы-ы-ыдумка? – протянул Коваленко и убрал руку со спинки. – То есть все выдумала, да?

– Да, – отрезала Чпокс.

– Ну тогда это другое дело, так бы сразу и сказала...

– Да я сразу и сказала.

И так они какое-то время препирались. Чпокс фыркала и шипела, а Коваленко периодически чокался с писателями, но от нашего угла не отлипал.

Белка ткнула меня в бок и прошептала:

– Коваль-то шары залил.

– Ну, – шепнула я, а сама прислушивалась к разговору.

– Пристал к нашему Чпоксу.

– Да вроде ничего...

– Да ты чё! Мы же маленькие еще, к нам нельзя приставать.

– Да он же ее не трогает.

– Нет, ну противный какой, глянь, Танька... Алкаш...

– Алкаш, – кивнула я.

Чпокс хоть и думала о себе много, но могла при случае и расплакаться.

А Коваленке уже в лицо бросилась краска:

– Если ты пишешь из головы, то твоих стихов – нет! И тебя самой вообще – нет! – рявкнул он и подчеркнуто отвернулся.

Ярославцев встревоженно на него поглядывал.

– Как это меня нет? – Чпоксовы глазищи уже налились злыми слезами. – Вот она я!

– Если бы ты была, я бы в тебя влюбился! Значит, нет тебя! И даже не смотри на меня!

Чпокс возмущенно вздрагивала.

На самом деле это все относилось к нашей с ней дискуссии. Есть любовь или нет любви. Я, конечно, говорила, что любовь есть. Как ей не быть, если я люблю Тимура, а Тимур любит Белку. Ну и страдания само собой, куда ж от них деваться? Чпокс смеялась и

уверяла, что любовь – пшик, это сказочка, которую придумали люди, чтобы прикрыть половой инстинкт.

– Вот влюбишься, Ксюха, и поймешь. Вырастешь и узнаешь, – горячо доказывала я.

– Не влюблюсь! Обойдусь как-нибудь.

– Ну ты что, замуж, что ли, не выйдешь? Все ж выходят...

– Одно другому не мешает. Можно и замуж, только при чем тут... любовь?

«Любовь» она так произносила, что всегда чувствовались кавычки.

...Коваленко закинул ногу на ногу, ища нового собеседника. Я вытянулась по струнке и напряглась. Его взгляд наткнулся на меня. Такого типа взгляд, знаете... который выдержать сложно. И под которым страшно спасовать.

– Ну а вот ты – сволочь, говоришь? – улыбнулся он и мечтательно потянулся. – Мы с тобой явно родственные души. Я вот тоже подумываю стать сволочью...

Белка наступила мне на ногу и проворчала:

– И это ему удается...

Коваленко, видимо, почувствовал новый прилив сил и взялся за меня:

– Китайчонок. Чистый китайчонок. Чрезвычайно умный китайчонок. Ты чего такой умный? И чего такой маленький?

– А почему бы и нет? – брякнула я.

Это я частенько говорила, когда не знала, что ответить. Коваленко расхохотался и направился к Ярославцеву.

Я сидела красная как рак. Почему китайчонок? На этот случай у меня тоже был запасен ответ. Если меня спрашивают, что это за национальность, я рублю сплеча и говорю, что вот перед вами последствия татаро-монгольского ига. Все ржут и больше не пристают. Нуда, лицо у меня какое-то монголоидное. По маминой линии все вроде русские, фамилии русские, а лица плоские и с широкими скулами. А с папиной линией я была незнакома. Совсем недавно я случайно узнала, что там все чуваш. Я на четверть чуваш. Моя фамилия – Коржуткина. «Коржутка» – это «корзинка» по-чувашски. Вроде бы кто-то из моих прадедов родился раньше срока и вытепливался вместо инкубатора в корзинке. И так приобрел свое прозвище.

И вот я сидела и на всякий случай готовила ответы. Но Коваленко меня больше ни о чем не спрашивал.

Когда писатели совсем раздухарились, мы засобирались домой. В коридоре курили незнакомый дядечка и Коваленко.

И тут произошло это самое.

Мы покивали дядечке и демонстративно миновали Коваленко. Но он, вальяжно направившись к Чпоксу, сказал:

– Нула-адно, красавица, не обижайся! Глаза у тебя, как у хамелеона. На пол-лица расплылись!

И чмокнул ее в щеку. Ксюха переломилась, выдернулась и ринулась по коридору, работая локтями и приседая на чуть согнутых коленях. Мы обалдело потоптались на месте и бросились ее догонять.

На следующий день после уроков мы не пошли в поэткруж, а собрались у Чпокса дома на совещание, выгнав из комнаты Тощего Мешка.

– Танька, Белка, – сказала Чпокс, – я объявляю Ковалю войну.

Белка нахмурила брови:

– Вот козел! Нет, девчи, это правда так нельзя оставить. Ни фиги себе!

– Надо придумать месть, – продолжала Чпокс.

– Страшную, – загорелась Белка.

– А какую? – усомнилась я. – Вы чё, с ума сошли? А Ярославцев?

– А Ярославцеву не скажем. Нет, ну, короче, Танька, это ж копец какой-то. Лезет к Чпоксу со своими поцелуями.

– Меня чуть не вырвало, – горячилась Ксюша и передергивала худенькими плечиками. Белка вскочила на кровать и затараторила:

– Короче. Возьмем его книжку, сожжем, а обгоревшую обложку вышлем по почте. Или в квартиру подбросим.

– Точно, – подхватила Чпокс, – пусть знает, что стихи у него говно! И сам он говно!

– Будет знать. И во всем остальном, если он к нам припрется или еще что, объявляем Ковалю бойкот!

– Бойкот! – повторила Чпокс.

– Ты с нами? – недоверчиво спросила Белка. – Ты что, Танька, не считаешь, что Коваль козел?

– Я с вами, – проговорила я.

Наталки с нами не было.

29:66

Федя

Вот уже которую неделю я живу без Ковалена. Первое время друзья позванивали, спрашивали, как я там поживаю. Как будто я заболела или еще что. Я действительно первые дни лежала лицом к стене и боялась пошевелиться. На сложенном диване. Лежала и рассматривала переплетения обивки: основная нить, уточная, основная, уточная... Когда Ковален жил со мной, диван всегда был разложен, прямо на полкомнаты. А теперь – зачем? Только место будет занимать.

Потом все сочли, что устаканилось, и теперь иной раз телефон целый день молчит.

Но Федька Евтюхин заходит часто, обычно в пятницу или четверг.

Живет он неподалеку, на Лермонтовском. Полчаса пешком. В Питере это, считай, соседи.

Когда Коваленко был тут, Федька изо всех сил старался отстраниться, приговаривая: «Вы семья, чего я буду лезть». Я, напротив, его уговаривала заходить почаще, потому что мы с Коваленом совсем не видим людей. Ковален очень радовался Федьке и, главное, не ревновал. Федя – гей.

Теперь Ковален уехал, и Федя возобновил свои пятничные и четверговые визиты.

Вот уже лет десять мы с ним говорим об одном и том же. О том, что надо вести здоровый образ жизни и добиваться, понимаешь ли, каких-то успехов. То есть надо бросать пить и курить. Надо заниматься спортом: делать гимнастику, бегать по вечерам... Я даже взяла у него гантели, но меня хватило раза на три, и теперь они пылятся под диваном.

Правда, позапрошлым летом мы катались с ним на роликах. У Федьки уже были, а мои мы выбирали вместе. Нацепив ролики, я держалась за Федьку и неуклюже балансировала.

– Кажется, жмут.

– У тебя какой размер?

– Тридцать шестой.

– Ну так это он и есть. Бери!

Но я выбрала тридцать седьмой.

К концу лета я продала ролики через объявление. Они оказались велики. Сначала я себе говорила, что куплю своего размера, но, разумеется, так и не собралась. А Федька катался один, возя в рюкзаке вместо воды бутылку разбавленного вина.

А потом вообще стало казаться: я и ролики? Я на роликах? Ну смех же просто.

Хотя никто на меня пальцем не показывал на улицах.

Ну и вот так со всем остальным: я – и каждый день делаю гимнастику? Да ладно, через неделю забуду ведь. Я – и делаю себе овощные салаты, вместо того чтобы сожрать пачку зефира на обед? И два сникерса на ужин?

Ну и: я – и не выпью с Федей в выходные?

Вчера Федя позвонил и сказал, что всё, Таня, сегодня у нас первый забег.

Я решила.

– Встречаемся у гостиницы «Советской», – предложил Федя.

Сначала бежать было легко, даже весело. Но за первым же поворотом дышать стало тяжелее, и я сбавила темп. К гостинице я притащилась мокрая как мышь, кровь пульсировала в ногах и руках и даже где-то на спине, как после бани.

Федька стоял у «Советской» со скакалкой.

– Давай-ка, подружка, от целлюлита очень помогает.

И протянул мне. К скакалке я оказалась вовсе не способна. У меня даже закружилась голова. Я с завистью смотрела, как легко он скачет, то переkreшивая руки, то на одной ноге...

– Ни фиги себе даешь!

– Да ты что, я в свое время был чемпионом двора.

Я никогда не была чемпионом двора. Я ходила в музыкалку, в художку и в поэtkруж. А от физкультуры меня каждый год освобождала мама.

Обратно я бежала так медленно, что Федька просто шагал рядом со мной. Старались не смотреть друг на друга: обоим казалось, что виду нас глупый.

В магазине мы купили две бутылки вина.

– Давай, – подколола его я, – бегом и как с гантелями: раз-два, раз-два.

Федя засмеялся, прикрывая зубы рукой, и изобразил упражнение. А потом стыдливо спрятал бутылки в рюкзак:

– Спортсмены, ёптыть...

И вот мы сидим у меня на подоконнике, пьем вино, разбавляя водой. И курим в открытое окно.

– Танька, давно хотел тебя спросить... Неужели я такой какой-то плохой человек? Могу же я совершенствоваться.

– Да можешь, конечно. Никакой ты не плохой. Ты очень хороший.

– Вчера опять Младшему дал по морде...

Федька живет с двумя братьями: Младшим и Средним. С самого детства он возил их в колясках, забирал из садика... Когда мама умерла, Младший еще был несовершеннолетним. И Федька оформил над ним опеку. С тех пор он постоянно занят их проблемами: «Средний опять уволился», «Младший пришел ночью бухой. Я ему говорю: ты что, скотина, издеваешься?».

Я всегда перебиваю и говорю: «Ну а ты-то сам? Ты им какой пример подаешь?»

Федя пьет с регулярностью, как большинство, – в конце недели. Он работает инженером, проектирует мебель. К среде начинает томиться и мечтать о пятнице. В пятницу приходит веселый, праздничный, с вином и курицей гриль. Мы выпиваем, делимся новостями. После этого Федька едет в гей-клуб и там тусит до утра. В субботу утром оказывается пьяным у кого-то в гостях и от ужаса продолжает пить дальше. В воскресенье болеет. В понедельник болеет тоже и потому на работу не выходит. Выходит во вторник. В среду начинает томиться... И так по кругу. Его коллеги даже заключают пари: выйдет в этот понедельник Евтюхин или нет?

– Просто у меня по роже выступают красные пятна, – объясняет он свое отсутствие.

Федя даже ходит к врачу и пытается лечиться от красных пятен. Мне кажется, достаточно бросить пить – и пятна пройдут. Но Федя не согласен и ищет диагноз.

Он занимает одну комнату, а вторую – братья. Братья знают, что Федя – гей, но говорят только одно: «Домой никого не водить». И Федя старается. Я по причине своего пола не в черном списке, поэтому иногда заглядываю. Федя принимает меня на кухоньке с закопченными стенами и кормит комплексными обедами. Раньше на кухне были стулья, теперь все разломались и куда-то пропали. Я как гостья устраиваюсь на единственном, который сама же ему и отдала. Он садится на перевернутое ведро.

Федя считает, что до сих пор должен воспитывать Младшего и Среднего, хотя они уже взрослые парни. Варит суп на неделю. Покупает Младшему джинсы. Будит с утра Среднего. Ругает их, когда они забивают на работу. Когда не моют посуду.

Сам Федя раз в месяц теряет мобильник в клубе или в такси. Однажды пьяным упал в Неву, и его оттуда вылавливали с помощью какого-то шеста. Еще, слава богу, нашли шест... А то так бы мы уже не сидели за вином и курицей гриль.

– Ну и как это – по морде? – возмущаюсь я.

– Да воттак. Прихожу – посуды гора. Я спрашиваю: ты что делал весь день? Ты что, посуду не мог помыть? А кроссовки ты купил? Не купил. А с утра мои нацепил и пошел...

– Ой, Федь, ну а ты сам...

– Что я сам? Ну и вот я хочу тебя спросить. Что я сам-то? Неужели совсем какой-то урод?

Я ему объясняю, что никакой он не урод, а очень симпатичный парень. Федя высокий и стройный, черты лица выразительные. Одевается по-молодежному. Видный кавалер, по улице я с ним хожу задрав нос. Только из моих уст это звучит неутешительно, потому что я девушка, а девушки Федю, увы, не интересуют.

– Ты друг хороший. Поддерживаешь вот меня...

– Ты тоже, Тань. Ну скажи, ну какие у меня недостатки?

Я отвечаю честно. Потому что сам Федька со мной всегда честен. Он мне говорит: «Ты разлучница». Я умоляюще на него гляжу, а он мне: «Ну если это правда, Тань. Ты сама во всем виновата».

Я говорю:

– Ты молодец, Федь. Ты работаешь. За здоровье вот взялся. Зубы лечишь... Кредиты выплачивать стал... За квартиру долги гасишь... Недостатков у тебя два. Первый – это то, что ты хамишь, когда напьешься.

Федя действительно хамит. Не зло, а глупо, по принципу «что думаю, то и говорю». Увидев Янку Шинкевич, он воскликнул: «Ой, а я и не знал, что вы такая старая!» Мог бы еще добавить «...и страшная!» – это в его духе.

– Не, это не считается... – не соглашается Федя. – Ты мне в глобальном смысле!

– В глобальном – безволие. Это всех нас касается. Все мы знаем, что вредные привычки надо бросать, что на работе надо расти, что надо строить семью...

И прикусываю язык. Тут, блин, с нормальной ориентацией поди построй ее, эту семью. А каково геям?

У Феде есть целая картотека каких-то парней, которые ему нравятся. Показывает мне фотографии. Но он им об этом не говорит. Не решается. Всех их он называет Этими. «Этот сегодня звонил». Который из Этих – я догадываюсь по контексту. С одним Этим он даже пытался построить семью, жить вместе и все такое. Но Этот почему-то постоянно уходил в ночь, а потом оказывалось, что он ночевал с другим Этим. Поэтому Федя уже давно приговаривает: «Старый я и страшный. Какая мне семья...»

– Я, Таньк, решил, как зубы сделаю, денег накоплю – и за границу поеду...

– Ну конечно! Вместе поедem! В Финляндию. А то что мы, действительно, совсем, что ли...

– Нормальные мы люди! – И мы чокаемся остатками вина.

Ну, если через десять лет все-таки вышли на пробежку, то и в Финляндию поедem обязательно. Лет через пяток.

– Да, и еще тебе минус, – добавляю я. – Хватит братьев воспитывать. Им самим уже в пору над тобой шефство брать.

– Знаешь, Таньк... Если не они, то кому я на хрен нужен?

– Ну что ты. Появится человек... В клубе где-нибудь встретишь...

– Ага, встречу!.. Десять лет уже встречаю... У тебя вот хоть Коваленко есть.

– Есть он, как же... – вздыхаю я.

Так завершается еженедельный разговор неудачников.

14:51

Резиночки для хвоста

Нет, слава богу, мы не стали жечь книжку и посылать обложку по почте. Девчонки ограничились тем, что разорвали сборник на мелкие клочки и исчиркали фотографию автора – «мерзкого Ковалю». Я к книгам относилась с благоговением, а к Ковалю – со скрытым интересом. В котором и сама-то еще себе не могла признаться. Поэтому в акте вандализма участия не принимала.

Однако приговаривала:

– Ну вы даете, девчонки! – как бы с восхищением.

Они, как боксеры на ринге, валтузили бедную книжку, а я сидела, словно на трибуне, подбадривая. На самом деле мне было стыдно, но я малодушно боялась себя обнаружить.

– У, рожа какая мерзкая! – злилась Чпокс, пытаясь разорвать обложку.

Вечером я вертелась в постели и не могла отделаться от этой сцены: ворох страниц, обрывки иллюстраций, обезображенный портрет... Сон не шел.

Я села на кровати и в темноте стала вглядываться в книжную полку, где за два года собралась уже целая компания пишущих томичей. Ярославцев дарил нам эти книги в дни рождения, за победу в конкурсах, да и просто так. Вот она! Маленькая розовая книжка, легко ложится в ладонь.

Я прокралась в коридор на цыпочках, чтобы не будить сестру, и юркнула в туалет. Туалет-кабинет, там я читала по ночам, сидя на унитазе с опущенной крышкой.

Так. Посмотрим.

*Стихи не могут быть не о любви!
Поэзия – распутная бабенка,
Раскинув бедра жаркие свои,
К себе прижмет почти еще ребенка...*

Я проглатывала стихи одно за другим. Большинство оказались короткими. Это мне нравилось, длинные утомляют. Встречались и картинки, какие-то абстракции с обнаженными женскими торсами. В общем-то, это соответствовало содержанию. Пока я читала, в моем воображении пронеслась целая вереница женщин – томных, роковых, страстных или одиноких и незащищенных. Я точно установила, что это разные: одна вот полька, другая – татарка... Все они были разного возраста, хотя под стихами значился один и тот же год. То есть точно – тетки разные. Где ж он столько набрал?

Когда ноги начали зябнуть, я пустилась в обратный путь, так же стараясь не шуметь. Медленно приоткрыла дверь, опасаясь скрипа шарнира. Шарнир предательски крикнул. В коридоре я столкнулась с мамой в ночнушке. Мама хмурилась со сна и прикрывала глаза рукой от неожиданного света.

– Татьяна! Ты чего, живот болит? – прошептала она.

– Не, мам, все в порядке. Я так...

И, прижав книжку к бедру, засеменила к кровати. Сестра перевернулась на другой бок на своей и вздохнула.

...Интересно, а мне кто-нибудь когда-нибудь такое посвятит?

На кружке у Ярославцева девчонки время от времени вертелись, шушукались и делали загадочный вид. Понятное дело, что им не терпелось все рассказать. Что Коваль козел, что он приставал к Чпоксу и теперь мы объявляем ему бойкот. Но уговор у нас был такой – все

хранить в секрете. В страшную тайну мы посвятили только Наталку, и она тоже вошла в наше общество «Ненавидящих Ковалю».

Ярославцев иногда внимательно поглядывал то на Белку, то на Чпокса, чувствуя, что все мы взбудоражены. Он определенно тоже что-то думал, и мне в тот день казалось, что вообще все мы думаем об одном и том же, только молчим, связанные непонятно чем.

После того как я зачитала «новенькое», Ярославцев стрельнул глазами куда-то в сторону и проговорил:

– А тебе, Танюш, Коваленко привет передавал...

Девчонки обернулись ко мне.

Я вздрогнула и, как водится, стала медленно наливать краской.

– А почему мне-то? – жалобно спросила я.

– Ну уж это тебе виднее. Не знаю, – пожал плечами Ярославцев. – Так и сказал: «Танечке Коржуткиной передавай привет». Вот я и передаю... У кого еще есть новое?

Чпокс подняла руку: – У меня.

– Давай, Ксюша, – улыбнулся Ярославцев. Он Чпоксовы стихи очень любил и приговаривал к чему-то приятному, потирая руки.

Чпокс запрокинула голову и стала читать:

*Тут лоно зла, и лоно тьмы, и лоно пустоты.
И здесь никто не наделен частицей доброты.
Здесь ненависть и лезть проводят век.
Здесь жизнь не в счет, и здесь живет –
презренный человек.*

После каждого нового стиха Ярославцев обычно обводил хитрыми глазами всю нашу компанию, следя за реакцией. Нравится? Не нравится? Потом несколько секунд молчал, как бы давая уложиться в голове услышанному. И только потом говорил что-нибудь вроде:

– Ве-ли-ко-леп-но!

А после похвал делал критические замечания.

Но на этот раз он не стал ловить наши взгляды, опустил глаза и над чем-то как будто размышлял. Пауза росла.

– Неплохо, – как-то снисходительно проговорил Ярославцев. – Только кому же, Ксюша, они посвящены, твои стихи?

Чпокс встала и приготовилась говорить. Белка ущипнула ее за локоть. Я сделала какое-то нечаянное движение. Нельзя допустить!

– Коваленке! – сказала Чпокс.

Ярославцев сделал шаг назад и еще какое-то время помолчал, на этот раз уже водя своими темными глазами туда-сюда, пытаясь понять, что тут у нас происходит.

– Но... почему? – тихо и с какой-то грустью спросил он.

– Потому что он дурак! – выпалила Чпокс.

И в этот момент прозвенел звонок, и мы сорвались со своих мест.

– Ребята, не забудьте! – крикнул нам вслед Ярославцев. – В следующий раз – встреча с Лемешевым!

На улице Белка забежала вперед нас с Чпоксом и заговорила:

– Девчи, девчи! А чего он Таньке-то привет передал, а не Ксюхе?

– Да он просто спутал всех нас, он же алкаш, – спокойненько так объяснила Чпокс. Как будто это дело решенное. – Не помнит ни фиги, с бодуна отшибло, – добавила она.

– Точняк! – согласилась Белка.

Я угрюмо молчала.

- А ты чего, Танька, набычилась?
- Да ничего.
- Чего, не рада, что тебе Коваль привет передал?
- Да уговор же был, – вскрикнула я. – Чё ты, Чпокс, зачем так сказала? Что Ярославцев теперь о нас думать будет?
- Чпокс заволновалась и приготовилась защищаться. Но ее опередила Белка:
- Ну и что, что сказала! И правильно! Пусть знает, какой у него лучший друг!
- Да нормальный друг!
- Белка потрогала мне лоб, сунув ладонь под челку, и спросила саркастически:
- У тебя температура не повысилась, а?
- Тебе что, Коваль нравится? – ядовито добавила Чпокс.
- Сама ты нравишься! – с досадой крикнула я, развернулась и зашагала в другую сторону. Даже не в сторону дома.
- Танька, стой! – окликнула Чпокс.
- Да не трогай ее, – осадила Белка и запела мне вслед:

*Тра-ля-ля, тра-ля-ля,
Танька любит Ковалья!*

Чпокс подхватила.

Через неделю мы шли в кружок с пустыми руками, без «новенького». Ждали Лемешева. Если уж придет, то сам будет выступать, а мы послушаем. Лемешев руководил местным театром, где ставил пьесы по романам Ярославцева. Сам он тоже что-то писал. Однажды Ярославцев отправил нас с Чпоксом к нему в театр, чтобы тот научил нас декламировать. Перед каким-то фестивалем детского творчества. Сочинять-то мы сочиняли, но на публике обычно терялись и мямлили, а то и вообще забывали строчки от волнения.

Лемешев загнал нас тогда на сцену и заставил читать одно и то же раз двадцать. Чпоксу он говорил:

– Ну нет, матушка моя, это никуда не годится. Ну-ка погромче и без каши во рту.

В конце концов Чпокс разревелась прямо на сцене.

...Встречу решили проводить не в актовом зале, а в кабинете русского языка.

Мы спускались по лестнице, стуча себе по ногам мешками со сменной обувью. Внизу нас встречала Наталка.

– Ну что, пришел Лемешев? – спросила Белка.

– Пришел! – отозвалась Наталка. – Сидит там с Ярославцевым. На машине приехал.

– А ты его вообще видела – Лемешева-то? – уточнила я.

– Неа! – сказала Наталка.

Мы сгруппировались у двери. Белка заглянула в замочную скважину:

– Девчи! Это не Лемешев! Это Кова-а-аль!

Чпокс отпрянула.

– Да ладно вам, какая разница! – удивилась Наталка и рванула дверь на себя.

Коваленко с Ярославцевым сидели за учительским столом, как преподаватели на экзамене. Мы на цыпочках пробрались на задний ряд.

Ярославцев проверил, всели в сборе, и объявил:

– Вот, ребята, Лемешев, к сожалению, сегодня прийти не смог, и я пригласил Алексея Коваленко. Замечательный поэт, с которым я вас давно хотел познакомить... Хотя многие, кажется, уже знакомы...

Чпокс хмыкнула.

Ярославцев вытянул руку в сторону Коваленки, предоставляя ему слово.

Тот не смотрел ни на кого из нас и листал бумаги в розовой пластиковой папке. Рядом с ним лежал сотовый телефон, на который он то и дело поглядывал. И вообще вид у него был деловой и суровый, как будто он думал: «Не до вас мне, малыши. Но раз уж друг просит...»

Коваленко читал по бумаге, многие стихи я уже знала, но незнакомые не запомнились, потому что все это время я лихорадочно придумывала вопрос. В конце выступления ведь можно задать вопрос! Например, такой: «Кому вы посвящаете свои стихи?» Или так: «А у ваших героинь есть прототипы?» Нет, лучше так: «А у ваших героинь один прототип или несколько?» И главное – не покраснеть. Ну черт, если уж подумала, так покраснею теперь наверняка, это уж как пить дать...

После стихов Коваленко откашлялся и наконец поднял глаза на аудиторию. Но все глядел куда-то в дальнюю стенку, на портрет Пушкина работы Кипренского.

– Надо, наверное, рассказать немного о себе. Вырос я в небольшом городке Прокопьевске. В старших классах начал писать стихи, публиковался в местной многотиражке. Хотел заняться журналистикой, но... в общем, неважно, – сбился он и начал с другой ноты: – Закончил томский мехмат, преподавал. Кандидат наук, доцент...

– А сейчас? – выкрикнул паренек из первого ряда.

Коваленко уставился на него, как на блоху, с брезгливым недоумением.

– А сейчас бизнесом занимаюсь... но это к делу не относится. Готовлю новую книгу к публикации.

Коваленко взял со стола телефон и стал его вертеть в руках.

– Ишь, Коваль, понтуется! – шептала мне на ухо Белка. – Выложил на стол, чтобы все видели! Вертит-вертит, а никто ему не звонит. Подумаешь тоже! – фыркнула она.

Сотового телефона я никогда в жизни не видела. Он у меня появился лет через шесть, наверное. Тогда телефоны были редкостью и среди взрослых, не то что среди нас, школьников.

– Ну что, ребята, есть у вас какие-нибудь вопросы? – подвел итог Ярославцев.

Я затрепетала, привстала, но села обратно, дернула руку и опустила.

Ярославцев всего этого не заметил и хлопнул в ладоши:

– Ну раз вопросов ни у кого нет, на этом наша встреча заканчивается.

Коваленко, запинаясь о ножку стула и торопливо кидая бумаги в папку, направился к выходу. Ярославцев за ним еле поспевал.

Мы шли по школьному коридору, как будто не торопясь. Но я была уверена, что всем чертовски интересно подглядеть напоследок за Ярославцевым и Ковалем. Как они там, курят на крыльце? А может, подслушать, о чем они говорят?

Но девчонки подчеркнуто медленно переобувались, натягивали куртки, поправляли лямки рюкзаков... На улице стояла ослепительно-белая машина.

– Японская, – отметила Белка. – Уж не ковальская ли?

И правда, из окна нам махал Ярославцев, а Коваленко крутанул рулем, глядя в другую сторону, и вскоре машина скрылась за поворотом.

До дома часть пути мы проделывали все вчетвером, потом откалывалась Чпокс, затем Белка.

Когда мы остались с Наталкой вдвоем, она спросила:

– Слушай, Танька. А чего вы Ковалю-то не любите? Нормальный мужик.

– Да я тоже та к думаю! – вспыхнула я. – Только видишь, как вышло...

– Мне кажется, что это... что он обижается на вас. Зря вы так.

– Да я сама уже не знаю, что делать! Как бы это все загладить.

– Ну давай что-нибудь устроим, – задумалась Наталка и пошевелила аккуратненьким носиком. – Давай подарим ему что-нибудь.

– Давай! Только что?

Наталка прыснула:

– Резиночки. Давай подарим ему резиночки для хвоста!

Мы свернули к ларькам со всякой китайской ерундой и долго изучали витрины.

Собрав по карманам мелочь, мы приобрели набор резиночек для детских косичек. В целлофановом пакетике сияли красные, зеленые и синие кружочки. Я спрятала их в сумку, с облегчением улыбаясь.

Но случай не представлялся, всякие конкурсы и семинары кончились, Ярославцев в Писательскую не звал... Ну и понятно, что Коваль к нам больше не заглядывал. А уже приближался конец учебного года.

– Давай, слушай, Ната, сами сходим к писателям. Надо же отдать резиночки, – предложила я.

– Конечно пойдем! – обрадовалась Наталка.

И мы собрались в Писательскую.

По пути купили шоколадку. Некоторое время не решались зайти и мялись у дверей.

– А вдруг там нет Ковалья? – спросила Наталка шепотом.

– Не, тогда не будем дарить. Надо лично, – решила я.

– Ну как хочешь. Только заходи сначала ты.

Я протиснулась в дверь и первым делом увидела Коваленку. Он сидел у окна и что-то читал. Вообще было тихо, все, кто там еще присутствовал, чем-то были заняты. Ярославцев работал над журналом.

– В гости? – заметил нас Коваленко. – Кеша, к тебе твои девушки пришли.

– Сейчас-сейчас, – отвлекся Ярославцев от рукописей. – Леш, угости их кофе, пожалуйста.

Коваленко схватил кофейник, приподнял крышечку и, видимо, обнаружил там застывшую жижу.

Откашлялся, подхватил кофейник и вышел, наверное, в туалет – сполоснуть.

Мы ринулись к Ярославцеву:

– Иннокентий Саныч! Иннокентий Саныч! А мы тут Коваленке подарочек принесли.

– Что за подарочек? – оживился Ярославцев.

– Резиночки, – захихикали мы.

– Ну что ж... Дело! – одобрил Ярославцев. – Я вам скажу по секрету, что Коваленко очень переживает... что вы так с ним... Я ему рассказал... Зря, конечно, дурак, рассказал... Так что он будет рад, я думаю.

Мы с Наталкой приняли торжественный вид и уселись за стол.

Коваленко вернулся, зашебуршился в кухонном углу. Мы не решались заговорить, и он молчал тоже. Потом чуть сипло объяснил:

– Я за вами молча поухаживаю, ладно? А то болею. Завтра в Израиль еду, боюсь голос сорвать.

Наталка дернула меня за рукав: – Амы вот...

– А мы вот, – перебила ее я, – мы вам подарочек принесли.

Коваленко замер, как бы не веря своим ушам.

Наталка протянула ему пакетик.

Ярославцев тихонько посмеивался в своем углу.

Коваленко взял резиночки и разулыбался:

– Спасибо. Вот синей у меня нету. Завтра в ней и поеду.

И подмигнул мне. Мне, а не Наталке.

29:66

Кевич

Да, столько пить – это, конечно, никуда не годится. Надо сбавить обороты. То Федя до трех часов ночи, а то с Янкой Шинкевич ходили в «Килл Фиш», тоже чуть не до утра. Но от встречи с Янкой я никак не могу отказаться. Потому что мы очень редко видимся. Это из-за Алены.

Кстати вот, не все мои друзья неудачники, как мы с Федькой. Например, Янка Шинкевич – у нее все всегда хорошо.

Когда Ковален уехал, все в один голос стали твердить, что он не вернется. Мама задает каверзные вопросы, типа: «А где он живет? С супругой?»

Сестра прислала мне маленькое блюдечко с пионами. Я долго недоумевала, потому что обычно она угадывает мои вкусы, а тут тарелочка с петелькой на доньшке... Это чтобы на стенку вешать, что ли? Что за ерунда. Но оказалось, что пионы помогают найти одиноким барышням спутника жизни. Вот так вот, значит, теперь я одинока. А Ковален не считается.

И только Янка Шинкевич уверяет меня в обратном.

– Кевич, он мне совсем не звонит... – скулю я и тереблю ее за рукав.

– Куда он денется! – повторяет она.

И тогда мне на какое-то время легчает, как от анестезии.

Шинкевич я зову просто Кевичем. И даже сопрягаю с мужским родом: «Кевич пошел, Кевич сказал...» Но это просто так, к ориентации не имеет отношения. Хотя ориентация у Янки, как и у Феди, нетрадиционная.

Что с того, если у Янки все всегда хорошо! И с карьерой, и с личной жизнью. Тем более она недавно купила квартиру и решила бросить пить. А до этого выдувала семь банок «Козела» перед сном. Каждый день по семь банок, и так много лет. Ну, тут вы, конечно, скажете, что семь банок для хрупкой девушки, да еще и каждый день, и много лет – это ужас какой-то, с ума сойти можно, клиника, лечиться пора.

Но вы не знаете Янку. Мозгов у нее столько, что она смело может пить дальше. Надолго хватит. Янка, между прочим, кандидат наук и все такое.

Нет, конечно, иногда у нее побаливает сердце. Но куда страшнее, по-моему, то, что Янка засыпает в кресле. Я пару раз видела, как она засыпает в кресле с зажженной сигаретой в руке.

Она не всегда зарабатывала много денег. Некогда она читала на томском филфаке античку и вела латынь. Получала она, дай бог памяти, пять тысяч рублей и снимала квартиру в деревянном доме на Черемошниках. Особо не разгуляешься.

Я очень хорошо помню, как увидела Янку первый раз. Это, ребята, было одиннадцать лет назад. Первый урок латыни, и вот эта странная преподавательница с общей тетрадкой под мышкой. Стремительно прошла за свой столик. Аудитория была такая тесная, что столик этот упирался прямо в первую парту. Я за первую никогда бы не решилась сесть. Так близко к Яне Александровне?

Движения у нее казались резкими. Она как-то выкидывала коленки в сторону, как будто взбиралась в гору. Рубанет ладошкой по воздуху, а потом вдруг этой же ладошкой что-то такое певучее выдаст, плавное. Стрижена Яна Александровна была под мальчика, волосы красила в бордовый цвет. Губы тоже были крашены бордовым. Я не решалась смотреть ей в глаза, поэтому следила за мельканием губ. Улыбка у Яны Александровны была бандитская, один передний зуб наезжал на другой. Этот зуб меня гипнотизировал целый семестр. Однажды мне приснилось, что вместо зуба у нее черный провал. Нет зуба. Когда я потом

рассказала об этом Янке, она рассмеялась, вынула зуб и положила его в стакан. Или в коробочку. Куда обычно складывают зубные протезы?

Ну ладно, это к слову. Перед Москвой Янка себе все зубы отремонтировала и все, что нужно, приладила. Теперь у нее голливудская улыбка, а вся бандитская харизма пропала. Зато Янка может открывать зубами пивные пробки.

...Переехав в Москву, она вообще ходила объявления срывала – за деньги. Вроде того, что очищала водосточные трубы – отличное начало московской карьеры. «А что, – говорит Янка, – зато Москву узнала как следует. Опять-таки, пешие прогулки...»

Ну а потом всякие журналы, корректура, то-сё. Вот уже Янка и выпускающий редактор. А вот ее пригласили преподавать в МГУ.

Янка поработала там полгода, а потом сбежала в Питер к Алене, большеглазой носатенькой девушке с мраморной кожей и литой прической. «Ну его, – сказала, – этот МГУ. Мне моя личная жизнь дороже».

Янка часто приговаривала, что плевать она хотела на научную карьеру и что она лучше будет клеить коробочки на досуге, чем впахивать двенадцать часов в сутки, пусть даже и за сто тысяч рублей. Но я думаю, если Кевич возьмется клеить коробочки, то это, наверное, будут какие-то золотые коробочки...

Так Янка двинулась в сторону фриланса и дауншифтинга. То есть, по-русски говоря, удаленной работы и жизни в свое собственное удовольствие. Тут надо сказать о Янкиных удовольствиях и о ее патологической удаче в любви. С личной жизнью у Янки всегда все о'кей. Собственно говоря, она у нее всегда есть – личная жизнь. В отличие от меня или Феди...

Это Янка себе однажды загадала. В общем, первая любовь у нее выдалась какая-то не очень счастливая, и Янка, как это бывает в нежном возрасте, решила покончить со всем разом и съесть баночку папиных антидепрессантов. Заглянув на донышко, Янка подумала, что надо оставить пару таблеток для папы. Они пригодятся, когда он обнаружит свою мертвую дочь. Это решило дело: до смертельной дозы не хватило аккурат двух таблеток.

Прочухавшись, Янка решила, что больше никогда не будет страдать из-за любви. И с тех пор ни дня не провела в одиночестве.

Год назад Ковален уехал от меня первый раз надолго. Тогда мы с Янкой стали встречаться в «Килл Фише» на Петроградке. Никто из нас на Петроградке не живет. Мы ее выбрали как географическую середину между ее Озерками и моей Пряжкой. Чтобы никому обидно не было до дому добираться.

«Килл Фиш» – демократичное заведение. Подвальные интерьеры и дешевое пиво делают свое дело, и в пятницу в баре не протолкнуться, воздух сгущается от табачного дыма, одежда липнет к телу, и очень хочется разуться. Но мы встречаемся не только в пятницу, айв понедельник или во вторник, и вообще когда угодно. Настам знают в лицо и не выгоняют даже тогда, когда мы начинаем петь «Катюшу» или гимн Советского Союза. За соседним столиком в это время уже бьют посуду, так что мы не особо-то привлекаем к себе внимание. Музыка, кстати, там хорошая, бывают «Дорз» и «Нирвана», не говоря уж про всякие «RHCP». Так что с «Катюшей» – это мы зря, может быть, в самом деле.

Обычно мы берем сразу по два бокала, чтобы не бегать в очередь. Через час становится понятно, что мы трещим о всякой ерунде вроде забавных опечаток, последних прочитанных книжек и подслушанных в метро диалогов. А до сути так и не добрались. Третий и четвертый бокалы уже ощутимее подталкивают к душевному разговору. Но в этот момент начинает звонить Алена и спрашивать, когда Янка вернется домой.

Собственно, сначала мы хаживали в «Килл Фиш» вместе с Аленой. Янка брала Алenu за руку, и они садились напротив меня, обе широко улыбаясь. Долго изучали меню и зака-

зывали какую-нибудь еду. Я никогда не заказывала еду и ограничивалась пивом, пыталась экономить. Вообще, как-то неудобно, когда кто-то ест, а кто-то нет. Девчонки заботливо протягивали мне кусочки со своих тарелок, а я вежливо отказывалась. А поскольку роту меня был не занят, я изо всех сил поддерживала беседу. Но сколько бы я ни старалась, все равно она очень скоро давала неизбежный крен. А к концу вечера заваливалась напрочь с летальным исходом.

В лучшем случае я пересказывала незначительные происшествия последних дней, переводя взгляд с Янки на Алену и с Алены на Янку. Мол, того, я для вас обеих это говорю, мы же втроем беседуем. Алена улыбалась. Янка кивала.

В худшем случае я начинала говорить о литературе. Тогда Янка прекращала жевать и активно вовлекалась в разговор.

– Нету, блин, крупных форм! – кипятилась я. – Ну вы знаете хоть один современный хороший роман? Роман вымирает! Одни рассказы остались!

– Ну почему? – поправляла Янка очки, как на лекции. – Рубина, Улицкая. Пелевин меня каждый раз радует. Ты не права. Пишут нынче романы. Вполне себе романы. Просто это другие романы, не как в девятнадцатом веке.

– Да нуты брось! Это у Улицкой – роман? Да этот «Шатер» – это манная каша, а не роман.

– Но зато «Казус Кукоцкого»?

– Нуда, «Даниель Штайн», не спорю, это вещь. Но «Шатер»!..

И тут я замечала, что мы с Янкой трывим как заведенные уже полчаса, а Алена сидит и улыбается. И молчит. И я прямо кожей начинала чувствовать, как у нее уже мышцы лица устали держать улыбку.

– А тебе, Ален? Как тебе Улицкая? – заботливо спрашивала я. Таким тоном хозяйки предлагают скромным гостям добавки.

– А я... – тихонько говорила Алена, – а я Улицкую не читала.

Тут самое главное было не сморгнуть. Не отвести взгляд, не крикнуть. В конце концов, ну что такого. Ну не читала. Мало ли кто чего не читал. Я иногда сама такое могу сказать – хоть стой, хоть падай. Однажды брякнула в приличной компании, что Зоценко умер до революции. На меня еще долго потом поглядывали как на прокаженную.

Ну а мы с Янкой? У нас вообще пальцы по три сантиметра, и ходим мы со скоростью шестьдесят километров в час. Вы не знаете эту историю?

Как-то раз нам с Федькой попало в руки издание конца девятнадцатого века с интригующим названием «Введение в психиатрическую клинику». «Психиатрическая клиника» предлагала занимательные тесты для больных. В одной из граф приводились варианты ответов, а в другой – соответствующие диагнозы. Федя тестировал меня, спрашивая, сколько дней в году, и все такое прочее. И приговаривал: «Ну вот, сейчас ты отвечаешь, как имбецил». «А сейчас – как параноик».

В общем, окончательно я срезалась на вопросе про длину среднего пальца. Ну, простой такой вопрос на координацию в пространстве. Я растопырила пальцы и мысленно прошагала вдоль среднего сантиметровыми отрезочками. Раз, два, три. Ну, и еще, наверное, половинка.

– Тридцать пять, – сказала я.

– Чего – тридцать пять? – Федя вскинул брови.

Некоторое время я мешкала. Честно говоря, меня охватила паника, потому что я вообще перестала соображать, сколько сантиметров в метре, ну и так далее.

– Миллиметров, – неуверенно промывчала я. – То есть три с половиной сантиметра.

Федя молчал и смотрел на меня с каким-то даже возмущением.

– Да? Интересно. А у меня так семь с половиной.

Мы достали линейку и измерили. У меня оказалось семь. У Феди семь с половиной.

Потом я носилась с этим тестированием и Янку тоже прогнала по вопроснику. Так вот. Янка ответила, что у нее – три. Три сантиметра длина пальца.

А в другой раз она заявила, что средняя скорость пешехода шестьдесят километров в час. Я посмотрела на нее с неуверенностью. Я, честно говоря, сама ни за что не сказала бы, какова она – средняя скорость этого самого пешехода. Но вот это «шестьдесят километров в час» – это как-то с пешеходом не вязалось. Не звучало, что ли. Я кричала:

– Кевич! Ну ладно – я! Ноты же кандидат наук!

Янка прикладывала к груди руку и объясняла:

– Так я ж филологических!

Так что, знаете ли, у всех у нас есть белые пятна в картине мира. Та же Янка совсем недавно узнала, что Египет-в Африке. Я ни за что не скажу, где находится какой-нибудь Бангладеш. Ну а Алена... Алена вот долгое время думала, что Америка – в Европе. Как это так, вы спросите. А воттак. Америка в Европе-и точка. Как хотите? – так и понимайте.

Ну и, казалось бы, куда мне со своим Зоценко соваться, умершим до революции? Нет же, я сидела и думала: «Ну как же так не читать Улицкую? Ну вообще, ну вообще, о чем разговор?»

И я таки смаргивала и отводила взгляд. Нет, конечно, я не хмыкала и не кричала, но как-то так, по-моему, сразу всем становилось понятно, что я сижу и думаю: «Ну вообще».

Янка в такие моменты пыталась продолжать разговор как ни в чем не бывало. Алена сидела рядом, сняв улыбку. Янка держала ее за руку, как бы говоря: «Ты с нами. У нас все хорошо». Но всем троим было понятно, что общаемся мы с Янкой вдвоем, а с Аленой нас связывает только Янки на рука.

Поэтому Алена уходила раньше, а мы оставались до самого закрытия. А потом она перестала ходить с нами. Зато часов в десять начинала звонить Янке и спрашивать, когда она явится домой.

Сначала Алене говорилось «полчаса», потом «часок», «еще часок». Потом Янка выбежала на улицу и вела с Аленой какие-то подробные переговоры. А я сидела одна и смотрела по телевизору «Симпсонов» под аккомпанемент «Нирваны». В «Килл Фише» постоянно показывают «Симпсонов» без звука.

Потом Алена бросала трубку, или Янка бросала трубку. В общем, неизменно кончалось все тем, что мы оставались до закрытия бара. То есть до двух часов ночи. К этому моменту суть была уже почти достигнута, и мы свободно обсуждали вопросы мастурбации или психоанализа. Особенно же мы любили поговорить об алкоголизме, о формах похмелья и о смысле борьбы с вредными привычками.

– Кевич, – говорила я, – у тебя все хорошо?

– Тьфу-тьфу-тьфу, – говорила Янка и скорее искала что-нибудь деревянное, чтобы постучать. – У меня действительно все хорошо!

– Ну а вот если у тебя все хорошо, почему же ты пьешь, как лошадь?

– Не знаю, – пожимала она плечами, – люблю я это дело – пить. И не вижу никакого смысла бросать. Работе это не мешает. Личной жизни... – И тут Янка осекалась.

Я жаловалась, что от меня уехал Коваленко. И что все у нас не слава богу. Поэтому что еще остается делать, как не квасить без остановки. Янка вдруг признавалась, что у нее с Аленой тоже не все хорошо. Ну вот, для начала, Алена запрещает Янке пить. Ну и не только это. Ну вообще многое. Вот, например, Янка ведет хозяйство, а Алена даже стиральный порошок не может купить. Ну или вот книжки... Или вот в постели...

Эти разговоры происходили уже за пятым бокалом. Я рассказывала про нашу с Коваленкой статистику оргазмов (от двух до семи в будний день и от семи до двадцати – в выходной). Янка возбужденно кивала и приговаривала: «Да! Вот это я понимаю».

...Потом мы пытались ловить машину или вызывать такси. И начиналась адская дорога домой. Потому что от этой географической середины никому из нас ехать до дома не удобно. Я так вообще постоянно оказывалась перед мостами и ждала, пока их сведут. Можно догадаться, в котором часу мы добирались до своих диванов.

Янка даже и до дивана-то не добиралась. Это меня никто не ждал дома, Коваленко торчал в Томске и не названивал мне, как Алена, спрашивая, где меня носит. Поэтому я приходила и бревном валилась на постель. А Янку дома ждала разъяренная подруга. И Янка шла на кухню и валилась куда-то под стол, сиротливо закутавшись в плед.

В конце концов Алена все-таки допекла Янку, и вот она... решила бросить пить.

...На днях я позвонила и пронила в трубку:

– Давай встретимся, Кевич, а?

– Да, Татьяночка, вот я завтра могу. Алена как раз пойдет на корпоратив, и потом мы где-нибудь в центре с ней встретимся. Только это... Это...

– Что – это? – пугаюсь я.

– У меня тут обстоятельства...

Я замираю:

– Какие?

– Я решила бросить пить.

– Да ну!

И принимаюсь ее поздравлять и доказывать, что можно при встрече пить чай. Чтобы она не робела.

Но мне, честно говоря, не верится. Все что угодно, но не это!

На этот раз мы выбрали «Килл Фиш» на Сенной.

– Может, в «Белочку» пойдем? – предлагаю я. Про эту «Белочку» я уже сто раз слышала, но никто не хотел меня туда сводить.

– Да видишь чё, Татьяночка. В «Белочке» шумно и поговорить нельзя толком. В «Белочку» можно только пьяными в хлам идти. И играть там в настольный футбол или пить дальше.

– Ну тогда это да, пока отменяется...

– Да, отложим пока, – хехекает Янка.

В «Килл Фише» мы бодренько заказываем чайник чаю на двоих.

– Сегодня дамам коктейль в подарок! – возвещает бармен.

Янка хмыкает.

– Да ладно, давай я два выпью. Ну или вообще откажемся, – предлагаю я.

– Не, давай посмотрим, какие тут есть коктейли... – задумывается Янка. – Вот, вот этот нам, пожалуйста! Это что такое?

Это оказывается шампанским с ликером.

После шампанского с ликером Янка говорит:

– Нет, ну я не то чтобы совсем бросила пить. Я просто решила не каждый день пить. Просто самое главное – это не напиваться.

– Это точно, – одобряю я.

– А по праздникам... и если есть повод...

– А у нас сегодня есть повод?

– Ну есть, – приосанивается Янка. – Я себе третью работу нашла!

– Во даешь! Какая же ты молодец...

И мы берем пива.

После пятого бокала мы оказываемся в «Белочке». Там Янка играет в настольный футбол. Я от футбола отказываюсь, после того как забиваю гол в свои ворота.

Я пляшу, и какое-то время мне это удастся, пока не брякаюсь на пол и не ударяюсь коленкой. После этого мы выкатываемся и устремляемся к метро. Янка на ходу пишет эсэм-эски, наверное, Алене.

– Черт! – кричит Янка. – На метро опоздали!

Мы приземляемся на каменную скамеечку. Янка продолжает тыкать в экран, а я просто повисаю в пространстве. Мне кажется, я рею, как флаг. Вот так беспорядочно болтаясь, я случайно поднимаю голову и тогда вижу Алenu.

Она как изваяние. Как Каменный Гость. Она просто возвышается над нами, презренными, вся белая и величественная. Вся пронизанная праведным гневом. Просто стоит и смотрит. Но при этом у нее чуть ли не искры из глаз летят. Или, может быть, пар из ноздрей.

Я подхалимски протягиваю к ней руку.

– Не трогай меня! – взвизгивает Алена.

Я опускаю занесенную руку и бреду ловить машину.

На следующий день Янка рассказала, что она бегала от Алены по Невскому проспекту, крича, что ей нужно побыть одной. До тех пор, пока Алена ей не написала: «А ничего, что у меня денег на такси нет? И ключи от дома – у тебя?»

– Но мы уже помирились, – добавила Янка. – И я вот теперь чего думаю: не напиться – это не главное. Напиться-то можно, главное – не бегать потом по Невскому проспекту.

– Это точно, – согласилась я.

Еще она сказала, что блевала в мусоропровод в своем подъезде. Перед тем, как залечь на пол в кухне.

А я тогда наутро выгребла из своего кармана целую пачищу желтых салфеток, утащенных из «Килл Фиша». Надо было Янке отдать, да я не догадалась.

16:53 К счастью

Читать я научилась в три с половиной года. Это было особым поводом для маминой гордости.

Лет до шестнадцати эти поводы не переводились. Я была «тихонькой», прилежной, послушной. «Будь умничкой», – говорила мама. И я была. В школе пятерки, дома – рисунки, стихи и книжки, книжки. Зачем безобразить, если куда интереснее лечь на ковер, упереть руки в подбородок и угодить в какую-то чужую историю? Книжек мама покупала много. Так много, что в библиотеку за книгами я даже не ходила: не успевала освоить постоянно прибывающие на наших полках. Дальнейший жизненный путь представлялся мне не иначе как неспешное открытие этих томов, один за одним, последовательно – и так, пока запас не иссякнет. Что должно было следовать за этим – я не задумывалась. Вероятно, последняя книга должна была быть прочитана на смертном одре.

Даже если очень поднапрячься, я от силы вспомню одну-другую детскую провинность, когда я по глупости огорчила маму и дело кончилось ее или моими слезами. Хотя память включилась в тот же момент, что и распознавание первых печатных слов. Щелк – пошла запись. С подробностями.

Собственно, меня просто не посещали идеи хулиганства. Не приходило в голову не выучить урок и схватить пару. Бросить в школьный унитаз пивные дрожжи или подложить учителю кнопку. Или украсть деньги в раздевалке из чужого кармана. Попробовать курить на стройке вместе с мальчишками...

А вот стройка – манила. Этот долгострой торчал прямо напротив школы – здание в три этажа, зеркально повторяющее наше. Бетонные блоки выросли в каркас, но ни окон, ни дверей к ним приладить уже не успели. Всё накрылось медным тазом. Все девятиностые дело не двигалось с мертвой точки, и постепенно стройка стала приютом для бомжей, маньяков, наркоманов и привидений. По крайней мере, так гласили школьные легенды. Сама я там не видела ни тех, ни других. Но так ведь я не ходила, поскольку была боязлива, – может быть, вся эта публика там и впрямь водилась. А отважная Белка делала вылазки и прихватывала с собой Наталку. Мы же с Чпоксом трусили, и нам приходилось довольствоваться их рассказами про разбросанные на этажах шприцы и про «одну девочку, которая пошла и не вернулась».

Я боялась не столкновения с наркоманами. Да и в привидения, конечно, не верилось. Я боялась переступить черту. А обозначена она была четко. И Ульяша, и все родители при слове «стройка» делали большие глаза и твердили только одно: «Не вздумайте». Помимо всего прочего, перекрытия там ветшали, и вместо встречи с маньяком можно было провалиться в какую-нибудь дыру и переломать ноги. И только моя мама меня не напутствовала. Ей и в голову не приходило, что я сама не понимаю, где опасная зона. Я понимала. Но опасная зона почему-то очень тянула.

Я говорю «мама», «мамина гордость». Вообще-то папа у меня тоже есть. И даже вполне такой положительный папа. С в/о и без в/п. Спортсмен. Который год каждый день бегают по утрам и поэтому выглядит лет на десять моложе своих ровесников. Почему эти чудесные качества не передались мне по наследству?..

Папа ушел от нас, когда мне было шесть. Здесь моя внутренняя запись дала сбой. Это происшествие начисто стерлось из моей памяти. Помню только коридор, уставленный коробками. И мама говорит, что папа теперь будет жить в другом месте. В каком другом? Почему не с нами? Кажется, я этих вопросов даже не задавала. Очень хорошо помню это ощущение, когда папа вдруг в нашей жизни обнаружился и я вся холодела от чувства вины.

А он обнаруживался – звонил нам по выходным. К телефону подходила мама, слушала молчание и трубку бросала на рычаг.

– Поля! Тебе, наверное. На свидание зовут. – И уходила в другую комнату.

На следующий звонок подходила сестра, опустив глаза. Тихонько что-то отвечала.

– Собирайся, – велела мне шепотом.

Я покорно шла в детскую и натягивала колготки. Тоже опустив голову. И так тихо мы выходили из квартиры, как преступницы. Папа ждал нас в горсаду, покупал нам мороженое и какой-нибудь воздушный шар. Катал на каруселях. На прощание как-то стыдливо совал Поле деньги.

– Тут немножко... На карманные расходы, – всегда одинаково говорил он и смотрел куда-то в сторону.

Мы отправлялись домой. По дороге обе лихорадочно думали, что делать с воздушным шаром. Вот принесем его, будет он болтаться у нас под потолком, как на празднике. А мама будет плакать, закрывшись в ванной. Поэтому мы шар либо сдували, либо совали какому-нибудь малышу в песочнице.

Так что вырастила меня мама. А воспитывала сестра. Она меня водила за ручку, возила в мою музыкалку, зашивала мне носки. Мама работала на трех работах, чтобы собрать нас в школу и накормить. Приходила поздно.

Не секрет, что девочки, выросшие без папы, тянутся к взрослым мужчинам. Я бы и тянулась, да их вокруг было не так много. С папой из нашего дома куда-то бесследно исчезли все дяди Леши и дяди Пети. Из учителей мужчинами оказывались только какие-то нелепые физруки. Появился Ярославцев – но он казался по-домашнему уютным и никаких вольных эротических фантазий не вызывал. Совсем не то оказалось с Коваленко. Мысль о нем, эти странные речи в Писательской заняли в моем сознании место, хотя я никак не могла наклеить на все это какой-то ярлык. Не могла разобраться, «хорошо» это или «плохо».

В ту пору, когда мы попали к писателям, нас уже очень интересовал половой вопрос. Вооруженные стихосложением, мы с Белкой тайком сочиняли «развратные поэмы», где отражали новые знания об отношениях между мальчиками и девочками. Плели небылицы про одноклассников, с которыми стали собираться по каким-нибудь поводам вроде дней рождения и играть в бутылочку. Я балансировала в своем вопросе переступания черты. И во все это входила как-то боком. Ладно, в бутылочку я играть буду, но целоваться только в щечку. Вино пить? Ни за какие коврижки.

Примерно так же, по касательной, прошел мой переходный возраст. Я пересидела его дома. Боже мой, что творилось с моими подружками, когда всем нам стукнуло четырнадцать! У них завелись свои компании. Белка рассекала на мотоцикле с двадцатилетними парнями. Наталка стала тусить с неформалами. Обе вовсю «задружили», задымили сигаретами и очень скоро лишились невинности.

Я понимала, что безнадежно отстала, но была парализована страхом, что все это «неправильно» и так не годится. Девчонки звали меня, пытались растормошить и познакомиться со своими новыми друзьями. Я притаскивалась на какие-то сходки, видела, как люди пьют и курят, ужасно пугалась и смотрела на часы: не опаздываю ли я домой? В разговорах этих ребят мелькали такие темы, как «уход из дома» и «привод в милицию». Запретная зона звала, но пока не очень настойчиво. И так я раскачивалась, сидя дома с книжкой и строча в девичий дневник жалобы, что, видать, со мной что-то не то. Я же тоже очень хочу «задружить» и лишиться невинности и, наверное, давно пора попробовать сигареты и алкоголь. Но как увязать это с тем, что я должна быть дома в десять вечера, – этого я не понимала. То, что «дружба» может проистекать как-то без бухла и сигарет, даже не приходило в голову, потому что у всех вокруг это получалось только в таком, полном наборе.

Я была влюбчива, я прошла все полагающиеся этапы. Одноклассники. Потом Джон Траволта, Дэвид Духовный и Кайл Маклахлен. Потом страшекласники. Потом ребята из чужих компаний. Однако старшекласники и чужие ребята почему-то не спешили ответить на мои чувства, равно как и Джон Траволта. Мои порывы не находили никакого выхода, я подолгу рассматривала себя в зеркале и искала изъян. Наверное, жизнь не складывается потому, что я ношу очки. Вот в чем дело.

К шестнадцати годам Наталка сменила прежнюю компанию ровесников, держащих сигареты в рогатках из щепочек (чтобы мама по запаху не попала), на более продвинутую. Это были «олдовые» музыканты, то есть, по нашим представлениям, взрослые. Двадцати-, двадцатипятилетние...

Леня был вокалистом в группе, а Андрюша – флейтистом. Мы с Наталкой стали бегать к ним на репетиции и концерты. Обе по уши влюбились в Леню. Он выбрал Наталку, и мне опять пришлось сидеть со своей влюбленностью один на один.

Весь этот сюжет был просто утоплен в алкоголе, так много и так часто выпивали в этой компании. Разбавленный спирт и дешевый портвейн из пластиковых бутылок. Мы поздно являлись домой. Родители стояли на ушах, обзванивали морги и больницы. А нам вроде и было стыдно до дурноты, но остановить все это не было никаких сил. Ну что вы, ну музыканты же, стихи пишут, песни сочиняют... Такое дело!

Одним махом я перепрыгнула черту, не успев и пикнуть. И вот уже меня окружили наркоманы, маньяки, бомжи и привидения. Запретная зона наконец приняла в свои объятия. Жизнь сделала изгиб.

Я никогда не читала так много, как тогда. Из новой компании на меня повалились незнакомые имена писателей, и оказалось, что домашних книжек мне недостаточно. Я стала ходить в библиотеку и покупать книги в букинисте на карманные деньги. Сартр или Ремарк потом догнали меня в школьной программе, а вот о Генри Миллере на литературе ничего не рассказывали... Все это изучалось мной ночью на подоконнике, куда я переехала из туалета.

В старших классах мы уже не ходили в поэтический кружок и Ярославцева совсем забросили. К нему подтянулись пятиклашки, а нам стало как-то несолидно. Выросли. Все дети талантливы, но отнюдь не каждый потом до старости пишет стихи, да еще и толковые. Из нашего кружка ни одного поэта не вышло.

Тогда мы с Наталкой уже хорошо освоили центр. Там обитали наши музыканты. Всякий раз, проходя мимо Писательской, я говорила Наталке, что нужно навестить Ярославцева. И вот однажды мы наконец заглянули.

Это было вдень Ивана Купалы. К вечеру ливанул дождь с градом, бешеными потоками несущийся по асфальту к канализационным люкам. Пробежав от остановки до писателей, мы обе оказались мокрые насквозь.

И вот мы возникли на пороге, как две принцессы на горошине. Писатели были на месте. Ярославцев, как обычно, сидел уткнувшись в рукописи. Коваленко читал у окна, тоже как всегда. Оба что-то потягивали из рюмочек, какой-то коньячок. По-рабочему так, непразднично.

Нас немедленно напоили чаем. Коваленко предложил коньячку.

Ярославцев приставил указательный палец к переносице и смущенно проговорил:

– Не рано ли... девчонкам?

– Ты что, Кеш? – удивился Коваленко. – У тебя девки, гляди, какие здоровые. Уже, наверное, романы крутить с ними можно. Вышли из нимфеточного возраста.

Мы совсем по-нимфеточному захихикали, по обыкновению делая друг другу знаки.

– Вот ты уже столько лет с ними занимаешься, – продолжал Коваленко. – И неужели, Кеш, у тебя ни с кем из них не было романа?

– Нет, – развел руками Ярославцев.

Я улыбалась.

– Ты посмотри, какие у нее ямочки, – указал на меня Коваленко.

Ярославцев попытался свернуть разговор на другую тему, и мы, как раньше, взялись читать стихи. Коваленко похвалил один из моих опусов, сочиненных ночью на подоконнике. Достал свою новую книжку и написал что-то на титульном листе. Протянул молча мне.

Наталка заторопилась к музыкантам, несмотря на дождь. Я решила задержаться и вышла ее проводить.

– Танька-Танька, Коваль-то на тебя глаз положил.

– Да не, – отмахнулась я. – Это ты ему понравилась.

– Ты что! Хоть убей! Он тебя хочет. Книжку-то тебе подарил.

– Да это нам обеим!

– Ты чё? Один шаг – и Коваль твой!

– Ой, Ната, иди уже, скажешь тоже!

– Да сто пудов!

Наталка убежала, а я вернулась и все сидела, прилипнув к стулу. Мне не хотелось уходить, и я как будто чего-то ждала. Хотя поводы сидеть уже вроде исчерпались.

– А я, Танечка, как раз собирался уходить, – поднялся Коваленко. – Могутебя подвезти до университета. Тебе ведь в ту сторону?

Я мелко закивала. Хотя жила совсем в другой стороне, противоположной.

Мы вышли во внутренний двор через какой-то магазин одежды. Там нас дожидалась машина, но уже не та белая японская, а какая-то серебристая. Я неловко полезла на переднее сиденье. К этому привычки у меня не было. В нашей семье машина была только у бабушки, в деревне он возил нас за грибами в оранжевой «Ниве». А в городе ездить в автомобиле приходилось по каким-то невеселым поводам, например отвозя собаку к ветеринару. Мама просила соседа, и это всегда было неудобно. На такси я не каталась, не было нужды, город маленький. В общем, в машине я не знала, куда деть руки. Поправляла юбку: не слишком ли высоко задралась?

– Пристегнись, – скомандовал Коваленко.

Я засуетилась, отыскивая ремень. Коваленко наклонился ко мне, выдрал ремень из-под моей юбки и сам его застегнул. Я заволновалась и стала смотреть моему водителю куда-то в коленку. Стройные ноги в белых брючках. Что за ерунду мы про него выдумывали, маленькие жестокие дуры. Какой породистый дядька!

– А в тебя, Танечка, уже, наверное, мальчики стали влюбляться? – продолжал Коваленко в своем духе.

Я неопределенно пожала плечами. Вроде того, что – наверное, я не в курсе. На самом деле никто признаний, конечно, не делал.

Как загипнотизированная, я смотрела на его часы. А вдруг сейчас эта мужская рука потянется к моему бедру?

Мы ехали по Гагарина.

– А вот мое кафе. Можно как-нибудь поужинать вместе.

Ни фиги себе! «Мое!» «Кафе!» Вон чё у людей бывает! Я занервничала. Это как – идти в кафе с мужчиной? Надо одеться как-то прилично, наверное. У Белки что-нибудь попрошу. А может, и накраситься надо? Я же не умею.

– Только не думай, – добавил Коваленко, – что я на тебя впечатление хочу произвести.

– Да я и не думаю.

А думала я вот что: интересно, а есть у него жена? Если есть, то как мы будем ужинать?

Около университета он меня высадил, на прощание поцеловав в щеку. При этом очки прилипли к моему лицу и получили жирный отпечаток. Я сняла и протерла. Прошла несколько шагов и открыла титул новой книжки.

«Шел дождь. Наверное, к счастью», – писал мне поэт.

29:66

Не такой человек

Утро у меня теперь всегда позднее. Я никак не могу проснуться, перевожу будильник с восьми до полдевятого, с полдевятого до девяти – ну и так далее, пока уж совсем не становится ясно, что на работу я опоздала.

Когда мы жили с Коваленкой, утро наступало очень рано. Я вскакивала и бежала в душ. Потом прыгала к нему в постель, где Ковален томился со своей утренней эрекцией. Во время утех у меня успевали высохнуть волосы.

Взбодрившись, я летела на кухню, варила овсянку, мыла сухофрукты. Накрывала на стол, сама уже соображая, а чего я такого приготовлю на ужин. Сроду не умела готовить, а тут освоила голубцы и фаршированные перцы. Даже за котлеты взялась! Нужно же Ковалена кормить! Шутка ли дело семейная жизнь! Надо соответствовать. Вот, кажется, все и налаживается...

Рабочий день пролетал незаметно, а после я сбивалась с ног: ждет ведь! Весь уже извелся!

И вот я, с курицей в авоське, спешила к дому, двор пересекала чуть ли не бегом. Стучалась. Представляла, как Ковален откладывает книжку в сторону, садится, сует ноги в тапки, идет открывать. По пути он всегда что-то приговаривал, вроде: «И кто это там стучи-и-ится? У нас все дома!»

– Явилась, что ль? Я уж думал, ночевать там останешься! – смеялся он надо мной и начинал раздевать прямо у порога.

Теперь все не так. Жизнь замедлилась, а день опустел. В холодильнике кочан капусты и банка горчицы. Фигли готовить? Я покупаю себе овощей на Сенном рынке и ем салат всю неделю. Варю кашу. Типа, на диете.

На ночь я опускаю жалюзи: на окнах нет решетки, и одной по ночам как-то боязно. Иногда с козырька с грохотом срывается скопившаяся дождевая вода, и я в ужасе вскакиваю с постели: воры! грабители лезут! И потом еще долго не могу уснуть. С одной стороны, жалюзи защищают меня от насильников и убийц, с другой – не дают мне проснуться естественным порядком, от утренних лучей солнца. Я просыпаюсь, как в склепе. И сразу же заворачиваюсь обратно в одеяло.

На работу ехать не хочется.

Но так было не всегда.

Вот когда мои ровесники получали дипломы, я только-только поступила в третий вуз, до этого бросив два. Это называлось, наверное, «поиски себя». Я искала себя на филфаке, потом в Мухе, потом окончательно себя потеряла и вышла замуж за Мишу Орлова, поэта-ал ко голика с буйным нравом и без копейки за душой.

Тогда я вообще из всех этих контекстов выпала – карьера, работа там... Я работала няней, потом продавцом в книжном магазине... Порой мы вообще сидели дня два голодом и пили чай. С сахаром. Кусками. В горле становилось противно, а к вечеру начинало подташнивать.

Когда я поступила в Институт печати, в этот третий вуз, я прыгала до потолка, как будто выиграла счастливый билет.

Ну и что уж говорить про работу! После тупого стояния за кассой (сидеть запрещалось) или торчания в торговом зале, где я все знала наизусть... После этого Алиса Александровна взяла меня в «Пергам»! Ну это вообще было какое-то заоблачное счастье!

Алиса у нас в институте одно время преподавала, там ей меня кто-то порекомендовал, и так я оказалась в маленьком издательстве, в «Пергаме», в должности редактора. При всем при том, что на этого редактора я только начинала учиться.

Я на нее чуть ли не молилась. Алиса, во-первых, совершенно роскошная женщина. Ну удивительно просто красивая. Как ярчайшая роза. Когда она заходит в офис, через несколько секунд до меня дотягивается запах ее духов и обволакивает нежным облаком. И хочется в этом облаке сидеть и сидеть, и слушать, что она говорит, и смотреть, как взбивает свои алые волосы, как поправляет оборочки на юбке. Представляю, как себя в этом облаке чувствуют мужчины. Мне кажется, что у Алисы Александровны пятьсот платков, двести палантинов и тысяча браслетов. Я удивляюсь, как она с утра не путается в этом обилии и всегда подбирает бусы в тон сумке, а платочек под цвет глаз. Глаза у нее даже всякий раз по-разному сияют от разного наряда – то зеленым, то голубым.

Во-вторых, Алиса Александровна при трех образованиях и сейчас трудится над докторской. Мне и не снилось.

В-третьих, она бизнес-леди. Ну, бизнес... Я как-то спросила ее:

– А вот тут закон выпустили про малый и средний бизнес. У нас какой?

Алиса развеселилась:

– А вы сами-то как думаете? – И обвела взглядом наш маленький офис, где между трех столов и завалов с тиражами осталась узкая тропинка. А за шкафом еще сидит Арсений, наш цветокорректор.

Да, издательство небольшое, но заказы не переводятся, и это в условиях кризиса на книжном рынке! И Алиса все это тащит на себе. Она у нас и швец, и жнец, и на дуде игрец. Она ищет заказчиков, ведет переговоры. На ней вся документация. Она рулит процессом, говоря, кому и что надо делать. А это не так-то легко при том, что наш дизайнер Илья сидит не с нами бок о бок, а в Эрмитаже. Там у него основное место работы. Она же сама вычитывает книжку перед сдачей до двух часов ночи. Иногда садится верстать, если Илья занят чем-то другим. При этом она умудряется переносить капризы заказчиков, учитывать похмельный понедельник Арсения, уговаривать Илью поработать в выходные. И терпеть мои ляпы. А иногда даже подкидывает премии.

Алиса долгое время была моим кумиром. Я думала: ну вот, я на самой первой ступеньке, а она на вершине. Но вот же, можно же, как она, начать с простой корректуры – а потом открыть свое издательство! Надо просто совершенствоваться, потом взяться за верстку, подучиться... Ну, плюс бухгалтерия... Про то, что руководить целой конторой – это не в тапки срать, про это я старалась не думать. Говорила себе, что приложится.

С этой светлой мыслью я проработала пять лет, пока не появилась Надя. Собственно, сама Надя тут ни при чем. Весь сыр-бор вышел из-за верстки.

Сначала Алиса поговаривала, что неплохо бы меня посадить на верстку. Я охотно кивала. Потом эти предложения затихли. И Алиса стала уже говорить, что неплохо бы взять верстальщика на полную ставку. Чтобы разгрузить Илью. Чтобы он не вносил по тридцать раз мои ценные замечания, которые у меня не иссякают вплоть до спуска полос...

Я говорила:

– Алиса Александровна! Ну давайте попробуем! Дайте мне что-нибудь сверстать, я справлюсь.

Кажется, это звучало как-то жалко, со слезой.

Алиса закидывала ногу на ногу, поправляла браслетик и медленно объясняла:

– Таня, понимаете, в чем дело... Вы не такой человек. Вы можете делать что-то одно. Я же вижу, как вы работаете. Если вас сбить на что-то другое, вы мысль теряете. И тогда появляются ошибки. На каждом спуске обнаруживаются... Давайте вы уж будете делать свое дело, а верстальщик свое.

Что ж, хозяин – барин. Пусть будет верстальщик.

И тогда появилась Надя, наша же, институтская. Младше меня на пять лет, те самые пять лет, которые я просидела в няньках и продавцах. С Мишей, пьющим запоями.

Надя как-то очень быстро врубилась в курс дела и резво заверстала. Но поскольку не всякий день Илья загружал ее версткой, Наде сразу стали перепадать и тексты. На корректуру и редактирование. То есть Надя оказалась «таким человеком», в отличие от меня.

Помню, с какой гордостью я открывала концевую полосу у только что вышедших книг и читала: «корректор Татьяна Коржуткина». Потом – «редактор». Потом – «ведущий редактор».

Ах, человеческое тщеславие! Как сладко было думать, что вот я выросла от корректора до ведущего, чего-то там веду, стало быть. Дело полезное делаю. Сею разумное, доброе, вечное. Как сладко было грезить, что когда-то я смогу заниматься этой чертовой версткой, а может быть, даже и дизайном, а потом...

Но теперь в этих титрах я уже ничего не веду. Меня пишут рядом с Надей через запятую. Мол, редакторы такие-то. А ниже: «Верстка – Надежда Коллонтай».

И если бы я еще не полюбила ее, Надю. У меня был бы образ врага, и я могла бы жаловаться друзьям, таким же неудачникам, как я, что вот пришла молодая, неопытная, тут же подсидела и пожала все лавры...

Нет, Надя мне пришлась по сердцу, и мы до сих пор таскаем друг другу пирожки из столовки, а из дому я захватываю два яблочка, а не одно. И работать с ней легко...

В общем, надо было проглотить все эти амбиции и работать себе, как работала. А версткой заниматься на досуге, раз уж мне приспичило.

Но вышло не так.

Это было в мой день рождения.

Перед дипломом. Алиса явилась меня поздравлять, привезла дыню, цветы, подарок... Но после чаепития мы не разошлись, а остались до самого позднего вечера. Хотя я то и дело с тревогой смотрела на часы. Ковален тогда мучился головными болями, мы подозревали инсульт или что-то вроде этого. Но больницу он отвергал, а я с ужасом думала, что вот так мы сейчас загубим мужика. Врача, врача! Он лежал болел, а я пахала допоздна. И какая тут разница, день рождения – не день рождения.

Вообще, когда Алиса в офисе, мы работаем в три раза медленнее. Потому что она приходит с новостями, садится в кресло и начинает излагать. Говорит Алиса Александровна артистично, лукаво поглядывая, в лицах пересказывая случаи на дорогах или диалоги с заказчиком.

Мы с Надей сидим, уткнувшись в распечатки или мониторы, судорожно думая, что такой зачин не сулит нам короткий рабочий день. Потому что нельзя же и слушать, и читать. Два речевых потока.

В этот день мы остались с Алисой вдвоем и помаленьку доедали торт. На столе белели лилии, которые она мне принесла.

– Ну что, Таня, сколько вам исполнилось?

Я сказала.

– Есть у вас на будущее планы какие-то? Вот диплом защитите – и что тогда?

Я собралась с духом и выговорила:

– На графику пойду учиться. И в аспирантуру.

Алиса переменилась в лице, что-то такое мелькнуло во взгляде, вроде: «Ах, вот так, значит!»

– Таня, ну какая вам графика? Зачем?

– Ну, может, верстать научусь...

Алиса взорвалась отповедью, говоря, что на графике меня не научат верстать и что, опять-таки, не такой я человек.

Я взмолилась:

– Ну Алиса Але... Александровна! Ну вот же передо мной вы – образец для подражания. Я думала, что я смогу от корректуры перейти к редактированию, от него – к верстке... Чтобы все уметь, понимаете? Чтобы всю книжку уметь сделать – от и до. Ну разве что не написать...

Кстати, а почему бы и не написать?

– Таня, а какой в этом смысл?

– Ну вот вы. Вы же...

– Таня. То я, а то – вы.

Как черту подвела. Я оторопела.

– Если вы будете хвататься за верстку и тем более за графику, вы станете в текстах просто-напросто ко-ся-чить.

Я вернулась домой вся в слезах, стараясь унять рев, чтобы не волновать Ковалена. Он тогда еще очень долго болел. И я в самом деле стала косячить. Каждый день.

19:56

Девятнадцатый маршрут

К овален до сих пор твердит, что, если бы не та встреча в маршрутке, ничего бы не было. Может, и так.

Я вообще его частенько видела из окна автобуса. И всякий раз мне хотелось выпрыгнуть на чужой остановке и разыграть нечаянную встречу. Но я робела и не выходила. Актриса я плохая. Вытягивала шею и рассматривала Коваленку издали. Шел он всегда расправив плечи, с прямой спиной, как если бы его в детстве учили балету. Огромную массу своего тела нес легко. Походка у него летящая, быстрая. Кажется, еще чуть-чуть – Коваленко оторвется от земли и поднимется вверх, невесомо шагая по воздушной лестнице.

В этот день я ехала в девятнадцатой маршрутке в сторону центра. Заканчивался жаркий июнь. Я находилась в приподнятом настроении: готовилась поступать в Питере. Эх, ребята, ощущение тогда было такое, что горы могу свернуть и все только начинается. Так что я уже мысленно садилась в самолет и летела покорять столицы.

Я сидела лицом к салону, а Коваленко зашел на заднюю площадку и занял свободное место. Наши взгляды пересеклись.

Я кивнула:

– Здравствуйте.

Коваленко уже без хвоста, коротко стрижен. Одет, как обычно, в белое. Он всегда носил белое и яркое. Я всю жизнь пряталась в серые и бежевые тона.

Протискиваться друг к другу через весь салон было неудобно. Мы просто переглядывались и неловко улыбались. Сколько же лет мы не виделись? Года три. А я, интересно, изменилась? Отбросила ли какой-то хвост? Что успела за это время?

Окончила школу и первый курс филфака. Сменила компанию музыкантов на компанию филологов. Разбавленный спирт – на томское пиво «Крюгер». Но по-прежнему оставалась нетронутой, нецелованной и размышляющей каждый раз перед сном: когда? ну когда же? ну должно же и со мной случиться все самое интересное?

Когда место рядом со мной освободилось, я резко опустила на сиденье ладонь и похлопала по дерматину: садитесь, мол, рядом. Шлеп-шлеп. А сама подумала: и откуда это у меня такие приемчики взялись, а?

Коваленку дернула улыбка, он густо покраснел, пересек салон и присел.

Однако, подумала я.

– Ну что, Танечка, как дела? Куда едешь?

– Фотографии печатать. На Учебную, – просто ответила я и зачем-то добавила: – С черно-белой пленки.

Помолчали. Да, о чем надо сказать?

– Я вот в Питер собралась поступать. В Муху.

– А у меня книжка новая вышла. Приходи ко мне в офис, я тебе подпишу экземпляр.

– А куда приходить-то?

– На Фридриха Энгельса. Вот визитка, там мой номер, позвони утром в пятницу. Я тебя буду ждать. Ну все, мне пора, – вдруг подскочил Коваленко и бросился в распахнутые двери.

– Эй, молодой человек! А деньги? – закричал ему вслед водитель.

Дверь с шипением поползла обратно. Коваленко поднялся, мешая людям в проходе. Судорожно отыскал деньги в заднем кармане, сунул не глядя. Соскочил. Машина дала ход.

Я с удивлением следила, как он спешит по аллее к университету. Покраснел? Забыл расплатиться?

«Молодой человек»!

* * *

В пятницу утром я стояла над телефонным аппаратом в кухне и набиралась духу позвонить. Так. Визитка. Номер. Нажать на кнопки и сказать «алё». Алё, здравствуйте, это Таня Коржуткина. И ничего страшного, дальше все как по маслу. Но каждый раз, когда я снимала трубку и протягивала руку к кнопкам, сердце делало толчок и я разрешала себе еще немножко повременить. Ладони вспотели.

Это, значит, я собираюсь на свидание. Ну, свидание, ясно же! Книжка, кажется, только повод? Вот сейчас мы условимся, я проеду две остановки, приду в офис – и там буду с ним наедине. С мужчиной. С очень взрослым мужчиной.

Пока я так решалась, номер заучился наизусть. Я выдохнула и быстро набрала. Аппарат проклекотал мою команду не в такт сердечным толчкам, и я сразу услышала голос Коваленко. Как будто он сидел у телефона и караулил.

Коваленко продиктовал мне адрес, и я явилась.

Офис располагался в краснокирпичной пристройке к жилому дому, эдаким кубом. С надежной железной дверью. Глазок и сеть проводков. Сигнализация, наверное. Перед этой глухой дверью я долго приглаживала волосы, потом, наоборот, взлохмачивала, потом в отчаянии доставала зеркальце и проверяла результат.

В соседнем здании тогда работала моя мама, и не хватало еще, чтобы она меня заметила в этом дворе. Что бы я ей сказала? Пристройка производила такое впечатление, что я могла бы оттуда и не вернуться.

Я поспешила нажать кнопку звонка.

Офисный Коваленко оказался каким-то домашним, в тапочках на босу ногу. Да и офис более напоминал квартиру: слева кухня, справа столы, диван, кресла, телевизор. А в цокольном этаже – боже мой, бассейн и сауна. На потолке зеркало.

Внизу было душно, и мы расположились наверху в креслах. Когда книжка была торопливо подписана, Коваленко взял быка за рога:

– Я, Танечка, все размышляю, что ты из себя представляешь в сексуальном плане. Много ли у тебя опыта? Были у тебя мальчики? А может быть, у тебя были девочки? А может быть, ты вообще невинна?

Конечно, невинна. За годы ожидания «чего-то самого интересного» эта невинность превратилась для меня в проблему, мне хотелось ее сбросить, как оковы. Она меня тяготила. Вот все уже да, а я еще нет. Этот вопрос звучал, как дисгармоничный аккорд, и хотелось уж поскорее разрешить его. В минорный или мажорный – неважно. Лишь бы лишь бы.

Господи, что же ответить, лихорадочно соображала я. Я сидела в кресле, покачивая ногой, как взрослая, пришла одна... Это же что-то значит, значит же? Как вот так я сейчас ему заявлю, что я девушка? «Э, детский сад», – скажет он. А может, наоборот, набросится? В принципе, я была готова. Не чувствовала угрозы. Напротив – видела, что это он робеет. Что теперь уже я его чем-то смущаю.

Я сделала загадочное лицо, посмотрела в потолок и сказала:

– Я влюблена в женщину.

Коваленко не удивился. Собственно, он сам подсказал мне ответ.

– Так и знал, что тут что-то особенное. Ну слава богу, что хоть не девственница. А то я этого так не люблю... С ними всегда столько возни...

Поду-у-умаешь! Возиться он не хочет, понимаете ли...

Я надулась, но старалась поддерживать непринужденный вид.

Коваленко шагал по офису, сужая круги, наконец подсел на подлокотник моего кресла и сказал:

– Дай-ка я тебя поцелую. Тебе ведь тоже этого хочется.

Ох! Мало того что я невинна, так у меня еще и критические дни. И такая жара за окном. В общем, момент не подходящий, решила я и делано изумилась:

– Ну Алексей Николаич! Разве можно так сразу?

И перепорхнула на другое кресло.

Теперь уже, спустя годы, Ковален рвет волосы с досады и говорит: «Господи! Это же был тот самый, подходящий момент! Критические дни! Я бы стал твоим первым мужчиной!» Но он не стал.

Мы сговорились увидеться после Питера. Я отправилась поступать.

Пока ждала результатов экзаменов и болталась по городу, встретила на Фонтанке флейтиста Андрюшу. Он поступал в театральную академию и тоже болтался и ждал. Надо же, какое совпадение...

Мы стали гулять по крышам, разводить мосты и пить вино. Все это ударило мне в голову: вот-вот, начинается она, эта жизнь, вдали от дома – и «можно всё». Это «всё» тикало во мне совершенно иррациональной абстракцией. Мне не казалось, что я сейчас что-то буду выбирать. Питер или Томск. Филфак или Муху, хорошее поведение или плохое, Коваленку или Андрюшу, который, казалось, поглядывал на меня уже не совсем по-дружески... Да, казалось: можно всё и сразу, и одновременно. Как будто несколько жизней можно прожить разом, и одно другому не помешает.

Поэтому, когда мы с Андрюшей оказались в чужой квартире, от которой нам перепали ключи, я и не раздумывала ни минуту. Мы улеглись спать под одним одеялом, он протянул руку – и... ну наконец-то, подумала я, наконец-то...

Впрочем, расстаться с невинностью оказалось не так просто. Андрюше пришлось потрудиться, и оба мы измучились, но дело было сделано. Я оставила свою невинность в Петербурге и вернулась в Томск, как выражается Ковален, «распакованная». Хотя не особо у меня там прибавилось каких-то умений и навыков. Сначала ведь так и думаешь: что нужны умения и навыки. Техника там какая-то.

Зато прибавилось бесшабашности, а может быть даже, и безалаберности...

В Томске у меня оставался месяц до окончательного переезда в Петербург.

Я позвонила Коваленке, и тогда мы наконец встретились в «его кафе».

Четыре столика. Уютненько. Сидим как большие.

Коваленко обнаружил, что я не пила ни текилы, ни виски, и вечер у нас превратился в дегустацию карты вин.

Мы пробовали то одно, то другое и говорили о любви. Я понимала, что сегодня-то уж точно – «тот момент», и это уже не «так сразу», и вот пора. Но мне хотелось перед этим обязательно раскрыть душу и рассказать всю свою биографию.

А Коваленко меня торопил:

– А потом?

– Потом я встретила Лёню. Музыканта. Я в него влюбилась, сама не заметила как...

– Ну что, может, уже поедem?

Куда?

– Нет, давайте еще немного посидим. И вот Лёня... И Наталка...

Нагрузилась я быстро, до веселого беспамятства. Он, взрослый и солидный, выпив, сел за руль.

Кадры запрыгали, как в полустертом кино. Вот мы едем по темноте. Я прошу остановиться и выхожу пописать в каких-то кустах. Я все продолжаю монолог, мне так хочется доложить, с кем он имеет дело. Это кажется очень важным. Но он только смеется и прибавляет газу.

Наконец мы оказались в каком-то подземном гараже. Бетонный спуск в полутьму, слева ряды ворот для автомобилей. В гараже было пусто, гулко, сыровато. Коваленко раскрыл заднюю дверь и бережно поместил меня на сиденье. Кажется, что все происходило очень быстро. Деловито и порывисто. Он стянул с меня трусы, навалился грузным телом. Я ничему не сопротивлялась и только похохатывала, чтобы скрыть свое замешательство. Очень быстро он вскочил и отбежал куда-то за капот.

– Ой мамочка, ой мамочка, – бормотал он там в еще неведомой мне истоме. Эти манипуляции мне тогда были не очень понятны.

– Эй! Вы где?

У меня все плыло перед глазами и радужно скакало. Я никуда не хотела двигаться, я бы лежала и лежала вот так на заднем сиденье чужого автомобиля.

Застегнув ремень, Коваленко наклонился ко мне и сказал:

– Танечка, я сейчас вызову тебе такси и ты поедешь домой.

Я очень удивилась:

– Домой? Я не могу в таком виде... У меня мама.

– Танечка, а у меня жена.

Сквозь усилие протрезветь я почувствовала досаду и даже что-то сродни обиде.

И я поехала в такси к сестре. Она тогда жила в общежитии с чудаковатым рыжим программистом. Они на всякий случай оставляли для меня матрас на полу, если я задерживалась в городе и не хотела будить маму. Я ввалилась пьяная, протыркалась мимо сонной Поли и рухнула на матрас одетая. «И зачем на эти матрасы пришивают пуговицы?» – подумала я и закружилась на волшебных каруселях.

Засыпая, я чувствовала, как от меня разит мужиком. Мне казалось, что даже Поля и чудаковатый программист чувствуют этот запах.

Так начался мой первый роман.

Мама уходила рано, я просыпалась в пустой квартире и шла в душ. Мылилась я там как-то празднично, да и вообще все теперь было как-то празднично и значительно. Не просто вот мочалкой по телу вожу, а вроде как готовлю себя к чему-то торжественному.

Затем я включала магнитофон и выходила на балкон. Начинала день с сигареты. В Питере я выучилась и этому нехитрому делу. И теперь мне казалось, что день надо начинать именно так. «Я хочу любить тебя руками...» – пела Сурганова, и у меня по телу пробежала короткая волна опьянения. Окурки я совала в баночку, оставшуюся от тети Риты. Она гостила у нас несколько месяцев назад, баночка так и осталась на балконе, куда мама почти не выходила. Так я конспирировалась, прикрывая банку крышкой и подразумевая, что все это скурила тетя Рита.

Я шла на кухню и звонила любовнику. У меня ведь теперь есть любовник! То, что это женатый мужчина и почтенный отец семейства, пока не омрачало безоблачного счастья. А идея жены вообще далеко не сразу укрепилась в моей дурной голове.

– Ты не завтракай, а бери такси и приезжай ко мне в Ключи, – обычно советовал Коваленко.

И я ехала с ветерком.

Ключи – элитный дачный поселок с высокими заборами. Стоит среди соснового бора. Я высаживалась у ворот и всякий раз боялась войти. Дверь приоткрывалась, и высовывался нос Алексей Николаича.

– Давай забегай быстренько.

Он протаскивал меня через дворик прямо в дом. Перед глазами мелькали клумбы, поливочный шланг, аккуратная поленница. В доме на стенах детские рисунки и семейные

фотографии. На веранде разрезанная сочная дыня. Мне все хотелось рассмотреть и потрогать, но у моего кавалера был иной интерес.

Он укладывал меня на широкий диван, задирает мои нехитрые одежки и ласково на меня ложился.

Первый урок проходил так.

– Сейчас все будет по-другому, – сказал Коваленко. – Я не хочу, чтобы тебе было больно. Расслабься и ничего не бойся, вот так, тих-о-онечко... Не больно?

И протолкнулся в меня.

– Нет, – улыбнулась я.

Господи, как он кончал! Подбираясь к этому моменту, он смешно приговаривал «Ой, мамочка», а потом вдруг начинал рычать, как динозавр. Я лежала под ним счастливая и победоносная. Я как-то особо и не рассчитывала, что вот так вот сразу начну что-то испытывать. Но гордость меня распирает. Гордость оттого, что он, большой и сильный, так стремится к моему маленькому телу.

– Не вставай, полежи на мне, – просила я.

Тяжесть мужского тела была приятна. Я прислушивалась к своим ощущениям и пока не находила того, что привело бы меня к рычанию.

Коваленко вставал, расхаживал по скрипучим деревянным полам, говорил:

– Я все понимаю... Нам бы с тобой хотя бы несколько месяцев...

Но у нас был всего один.

Каждый день приносил очень много новой информации самого разного толка. Например, мы идем в ресторан.

Оказывается, что в ресторанах можно курить.

Жульен – это маленькая сковородочка с грибами под сливками, ее приносят, когда она еще шкворчит. И стоит она почему-то очень дорого, эта сковородочка.

Блюдо на тарелке нельзя сразу раздербанивать вилкой, превратив его в кучу, и быстро сжирать. Нужно, оказывается, отрезать по маленькому кусочку. Отрезал – съел. Отрезал – съел. И не торопиться.

Или я рассматриваю книжные полки Алексей Николаича. Обнаруживается, что из современных русских писателей я знаю только Пелевина, Сорокина да Гришковца.

– А Петрушевская? А Толстая? А Улицкая? Ты что, Улицкую не читала? А Лимонов? – удивляется Коваленко.

Так-так-так, как бы это все запомнить, хоть записывай... Все имена незнакомые. При прощании я утягивала с полки что-нибудь почитать.

Или мы лежим в постели и говорим о сексе. Например, о геях.

– Геи все четко делятся на активных и пассивных, – заявляет Коваленко.

Я спору:

– Не может такого быть. Они всё одинаково делают друг другу.

– Да я тебе говорю. Не веришь?

Или Коваленко читает мне лекцию о контрацепции. Оказывается, что есть фарматекс. Оказывается, что есть «безопасные дни».

– Какие еще безопасные дни? – я с недоверием гляжу на Коваленку.

– Ну как? – удивляется он. – Во время менструации, например, женщина не может зачать...

– Да ладно! – Я сажусь на постели и пытаюсь высмотреть, не шутит ли он надо мной. – Так у животных же...

– У животных – наоборот! – смеется Коваленко. – Маленькая ты у меня совсем еще, ни ч-черта не знаешь. Уедешь вот в Питер свой. Кто там тебе все это расскажет?

Я падаю обратно, вытягиваюсь вдоль его руки. Настроение мое портится. Ясно, что я уеду. И как вот все это? Куда все это?

Я чувала нутром – эту струнку, которая натягивалась в нем при моем появлении. Эти его осторожные касания, как будто он боялся меня порушить. Завидев меня издалека, он всегда невольно улыбался, как будто я дергала в нем какой-то рычаг. А когда я подходила вплотную, Коваленко давал волю смеху. Это был неудержимый смех радости. Обрывался он внезапно и тогда сменялся долгим взглядом. В этом была своеобразная мука – глядеть друг на друга и пока не трогать руками.

Мы не давали названий тому, что происходило.

Мы даже не давали имен. Это его имя – Леша, – казалось, совсем не шло ему, я не могла выговорить его, как будто в этом заключался какой-то стыд. «Леша» застревал у меня в глотке, как только я воображала его произнесенным. Поэтому я шутливо звала Коваленку Алексей Николаичем. Он тоже избегал обращаться ко мне по имени. Поначалу звал Коржуткиной, но иногда позволял себе «Танечку».

Мне и в голову это не приходило – завести «серьезный разговор» или «расставить все точки над i». Мы не озвучивали жанр. Курортный роман, или начало большой и светлой любви, или гнусный адюльтер. Просто мы виделись каждый божий день, а к концу сезона ко мне подобралась неприятная тоска, да и Коваленко стал гораздо грустнее.

Я изнуряла его часовыми рассказами о всех пережитых мною влюбленностях. Как если бы я пришла к врачу и перечисляла перенесенные инфекции. А он бы конспектировал это в историю болезни. Я пересказывала свои сны и объясняла детские стрессы, делилась фантазиями. Приходила в беспокойство, обнаруживая в себе какую-то нишу, еще недоступную Коваленке. Я методично, шаг за шагом, отдавалась в его познание. Вечерами переживала наши приключения заново и тогда бросалась писать ему письма, которые он читал на следующий день.

С таким успехом в кратчайшие сроки я пересказала Коваленке всю себя. Он был благодарным слушателем, жадным до подробностей. Печалилась я лишь о том, что эти исповеди не охватывают моего детства. Мир детства Коваленку не волновал вовсе. Он изучил меня начиная с «нимфеточного возраста» и по тот момент, когда я упаковала все шмотки и ботинки в огромный короб и отправила все это дело в Петербург.

А что я знала о Коваленке?

Однажды мы сидели в кресле у камина. Одетые. Я до сих пор люблю взгромоздиться ему на коленки. Вроде как маленькая девочка. Хотя если взглянуть в зеркало, композиция эта все-таки мало похожа на папу и дочку. Приближался сентябрь, уже становилось зябко, я устроилась поудобнее, пригласила и попросила:

– Расскажи о себе. О детстве.

И Коваленко принялся говорить.

Родители у него были самые простые люди. Отец работал извозчиком. Мама – статная гордая казачка из сосланных. Волосы как смоль и все такое прочее. Отец, осевший после госпиталя в Прокопьевске, привез ей телегу дров. Она, вдова, мыкалась тогда стремя детьми. Отец с первого взгляда влюбился и всех троих детей усыновил. Четвертого мама не хотела ни в какую, но муж настоял. «Прокормим», – пообещал он, мечтая о наследнике. Шел первый послевоенный год.

Лешу любили больше остальных детей. И не потому, что младший. А потому, что другой. Может, это гены так пунктирно ныряли через поколение. Мама не знала грамоты, а сын читал запоем и приносил из школы одни пятерки. *Только* пятерки.

Я не поверила:

– Так не бывает! Я тоже была отличницей, но нельзя же за всю жизнь ни одной четверки не получить!

Коваленко убедил, что можно.

Естественно, родители им гордились.

– Отец меня даже бить не разрешал, – объяснял Коваленко. – Старшим-то мать давала подзатыльника, да и ремнем могла... Нрав у нее крутой был...

Меня, естественно, никто пальцем никогда не тронул.

Вырос Леша на бандитской окраине Прокопьевска, где местная шпана тянула, что плохо лежит, и смолила бычки от нечего делать. А Леша ходил в библиотеку и брал воспоминания великих путешественников и пособия по химии. Под крики библиотечарши: «Тебе еще рано!» Выпросил у отца в свое распоряжение холодный сарай и оборудовал там лабораторию. Доставал какие-то реактивы, ставил опыты... Литература интересовала тоже, но, кроме советских писателей, на библиотечных полках стоял только Лопе де Вега. Полное собрание сочинений. Леша прочитал. Потом еще раз. И стал смутно подозревать, что интересных писателей гораздо больше.

Первым переломным этапом стала новая школа. Элитная по тем временам, с математическим уклоном. Леша победил в какой-то олимпиаде – и перевелся. И вот там его ждал сюрприз. В три ряда сидели в классе не те ребята, что курили на завалинке и сплевывали сквозь зубы, а такие же отличники. Наилучнейшие какие-то отличники, один отличнее другого. Полкласса соревнуется за право попасть на Доску почета. Да и мало того! У них еще и своя компания сбитая, и девушки все красивые только с ними дружат, и книжки там у них из портфеля в портфель ныряют... Что-то он таких в прокопьевской библиотеке не видел...

И Коваленко стал брать эту высоту. Не мог он заснуть спокойно, не выучив параграфа, не прочитав заданного. А еще воображение бредила Лиза Боярина – первая умница в классе. Не ответить там чего-то у доски – когда она смотрит! – смерти было подобно.

Это сформировало его характер. Стремление быть не хуже других переросло в желание быть непременно лучшим. В школе, в вузе, в научной карьере, в поэзии. Не говоря уж о любовном поприще...

...Они его приняли. Как равного, а может, и как первого среди равных. Леша был старостой, как и потом в университете. Таинственные книжки стали гостить и у Леши под одеялом. При свете фонарика он читал Пастернака и Мандельштама, и тогда-то открылся ему тот самый мир, который должен же был существовать, непременно где-то и когда-то должен был. И тогда же в школьные тетрадки стали ложиться первые строки – про «лунные сны», «морозный воздух» и все то, с чего начинают молодые и влюбленные.

С Лизой у них до выпускного развивалась любовь-соревнование. Кто вперед учебник освоит... Кто лучше экзамен выдержит... А когда вступительные были сданы выездным комиссиям, Лиза выбрала Новосибирск, а Леша – томский мехмат. Уперлись оба, и никто не хотел ради другого поменять маршрут.

Коваленко всегда был очень упрямым.

На первых каникулах они увиделись, но «все уже было не то». У него уже тогда появилась Ангелина. Однотруппница. Профессорская дочка. Поженились они на втором курсе. Кажется, в ту эпоху так было принято. Но свою последующую крамольную любвеобильность Коваленко объяснял именно этим:

– Я не догулял. До жены у меня была всего одна женщина. А потом только Ангелина, и так десять лет. И я начал бояться: а что, если я только с ней могу? А как же другие, красивые, разные?

Дальнейшая жизненная канва – дипломы, рождение детей, аспирантура, защита, преподавание. Какие-то перемещения в пространстве, выкраивание жилплощади, обмены...

Коваленко написал и докторскую, но защитить ее не удалось. Об этом рассказал, морщась. Даже вспоминать ему это было тягостно.

— Я полдетства провел в больницах. Меня мучили желудочные кровотечения. От отца досталось. Он с отрядом в сорок пятом попал в окружение. И две недели они жрали одну клюкву. Так у него желудок и угробился. А у меня первый раз в шесть лет произошло. Представь себе, совсем пацан, а лежу в больнице и ничего есть не могу. А потом как нервы — так приступ, больница. Перед докторской вообще чуть не помер. Жена спасла, вовремя «скорую» вызвала... Сделали резекцию желудка. Врач сказал, чтобы плюнул я на докторскую, если жить хочу.

И Коваленко плюнул.

А потом девяностые годы — и совсем другая песня. Доцентской зарплаты стало не хватать, и Коваленко пошел в бизнес. Открывал какие-то банки с Яшкой Богдановым, наживал миллионы, прогорал, сталкивался с бандитами... Тогда же в его жизнь хлынул просто невероятный поток красавиц, которых теперь он не мог перечислить и назвать по именам. И тогда же Коваленко попал к писателям, зайдя к Ярославцеву по чьему-то совету. И хотя дебют был комически поздним, Коваленко быстро влился в среду и крепко полюбился нашим писателям. Особенно, конечно, поэтессам...

Этот момент он называет вторым переломным в своей жизни. Тогда-то и сформировался «современный» Коваленко, которого я повстречала. Первого Коваленку, советского, я воображала с трудом. Тем более что он не показывал мне семейные альбомы, а в те редкие детские фотографии, которые мне довелось увидеть, было сложно поверить. Что это он — тонкий задумчивый юноша с темными волосами.

Советский Коваленко, наверное, носил пиджаки и галстуки. К своим студенткам приставать не догадывался. Кормил семью, строил дачу, воспитывал детей и, если бы не увлечение женским полом, которое шло по нарастающей, был бы образцовым гражданином и примерным семьянином.

Я прижалась к коваленковскому плечу. Слушала размеренный стук сердца. Голова моя чуть приподнималась на его вдохе и опускалась на выдохе. Я просунула руку под его футболку и водила пальцем по шраму, тянущемуся от грудины в низ живота.

И мы долго молчали. Из форточки чуть веял ветерок. За окошком стрекотали августовские кузнечики. В камине алели угольки.

— Знаешь, чем мы сейчас занимались? — тихо спросил Коваленко.

Я кивнула.

29:66

Саша, которая любит Балабанова

Кстати, и не все мои друзья алкоголики. И даже не все с нетрадиционной ориентацией. Есть люди вполне традиционные и ничем не злоупотребляющие. Нормальные то есть.

Саша Сказкина ждет меня в «Депо». Это такая кафешка-трамвай. Компостеры там по стенам, поручни, на полу рельсы проложены и даже крышка от канализационного люка вмонтирована. Для антуражу. Саша любит туда ходить, потому что без ума от трамваев. Почему от трамваев? Потому что трамваи постоянно мелькают в фильмах Балабанова, а Саша...

Я про нее так всегда и говорю: «Саша, которая любит Балабанова». Рассказывая одним своим знакомым про других, мы сами не замечаем, как клеим ярлычки: «Леля, с которой мы жили на Боровой», «Янка, которая выпивает семь банок за вечер». Ну и так далее. Особенно самой Саше всегда приходится пояснять, потому что знакомить ее со своими друзьями я не решаюсь. Но она быстро выучила всех этих персонажей заочно и уже сама переспрашивает:

– Федя? Это тот, что живет неподалеку?

– Нуда, да, – радуюсь я ее памяти и внимательности.

Нет, я бы не могла собрать воттак всех своих знакомых, предположим, на день рождения и как ни в чем не бывало пригласить Сашу. Миша напьется и забудит, Федя станет хамить. Леля будет говорить об одиночестве. И вообще все мы курим прямо в комнате.

Другое дело – Саша. Она нормальная. Ну абсолютно нормальная, понимаете? Она не курит, не пьет, как все вокруг меня. Вовремя выучилась, а не скакала из одного вуза в другой. Не сидит в депрессии месяцами, не ищет истерически спутника жизни. Работает в редакции, книжки по медицине вычитывает, а не чем попало занимается. Правда, Саша любит Балабанова.

С Балабанова-то, кажется, мы и начали общаться.

Вообще в институте у нас с дружбой было не очень. Вечерние занятия как-то не располагали к общению. Все работают, а после учебы спешат домой. Я садилась за парту с Лидой, как-то по привычке, а еще потому, что мы с ней в группе были самые старшие. Саша садилась одна где-то сбоку или позади меня.

На вид Саша очень спокойная, даже невозмутимая. Так прямо и чувствуется, какое у нее ровное, глубокое дыхание. Все черты лица Саша, кажется, взяла от папы, как я заключила, когда увидела и маму, и папу. У Саши темные пышные вьющиеся волосы, которые она подбирает ободком. Густые брови вразлет. Широкие покатые плечи. На занятиях Саша надевала очки, чтобы видеть то, что пишут на доске. В остальное время она шурилась, пытаясь рассмотреть, что происходит на горизонте. Одевается Саша не очень молодежно, а как-то так: блузки, полудлинные юбки, обувь на широком каблуке. Поэтому кажется, что она выглядит старше своих лет. По крайней мере, на фотографиях они с мамой выглядят не то как сестры, не то как подружки.

Во время диплома я стала к ней приглядываться: мне показалось, что Саша медленно округляется и становится если нетолстой, то какой-то дородной. Прямо уже можно сказать: «Кровь с молоком». Или так: «В теле». Ладно, думала я, это, наверное, от нервов. Может быть, Саша волнуется и каждый вечер ест пирожные. Такое бывает. Вот когда Лидину дочку сбила машина, Лида располнела за несколько дней. И потом она в прежнюю форму уже не вернулась. Саша тоже не вернулась, даже после успешной защиты диплома.

Учились у нас хорошо человек пять, и в это число входили и Лида, и я, и Саша. Но Лида не особо читала книжки, а Саша читала. И как-то случайно я это обнаружила. Стой поры мы стали перед занятиями о чем-нибудь переговариваться: о литературе, о работе...

И о фильмах Балабанова. Я о них ничего не знала, так, крутилось в памяти что-то вроде «Брата-2», и то смутно.

В Саше разгорался миссионерский интерес, и она предлагала:

– Давай я тебе принесу посмотреть.

Я соглашалась, брала, но смотреть мне было негде, и я ждала момента, когда пойду к кому-нибудь в гости, где будет видик, или мне оставят квартиру присматривать за кошками, и там будет компьютер с сидиромом. У меня в ноутбуке сидиром был давно сломан.

Кино я вообще не очень люблю. Чтобы посмотреть фильм – это надо меня очень долго уговаривать. Я настолько далека от языка кинематографа, что первые десять минут вообще не понимаю, что там творится на экране. Кто кому кем приходится. В чем интрига. Иногда я даже переспрашиваю товарищей, что происходит. Тогда все начинают нервничать и ругать меня. Нажимают на паузу и кричат: «Таня! Ё-пэ-рэ-сэ-тэ!» Поэтому я избегаю кино, как могу.

А тут еще и Балабанов. Я вообще не понимала, о чем эти фильмы. Ну зачем все это и к чему. Что хотел сказать автор. Но смотреть мне нравилось. Вот ничего не понимаю, а нравится смотреть – и все. Музыка такая! Хотя иногда там ужасы всякие показывали, хотелось зажмуриться и не видеть. Но я не зажмуривалась.

И вот Саша носила мне диски, а я через месяц добросовестно докладывала о своих впечатлениях. Саша слушала с горящими глазами.

Потом между нами завелись книжки. Я что-то приносила ей, она – мне. Если мы приходили раньше всех и ждали начала занятий на лавочке, Саша обычно спрашивала:

– Ох, Таня, ну что ты новенького прочитала?

Я доставала из сумки книгу, и у нас завязывался диалог. Но как-то этим все и ограничивалось. Не решалась я пригласить Сашу в гости, тогда еще на Боровую. Я знала, что она живет с родителями в Ольгино в собственном доме. С участком, наверное. Роскошество такое. А тут я со своей коммуналкой. Ну и вот выпьем мы весь чай, съедим все пряники, поговорим о книжках – ясно же, что после этого наступает какой-то другой этап. Надо рассказывать о себе. А что я ей расскажу? Про своего бывшего мужа? Про вредные привычки? Про Коваленко?

Рядом с Сашей я чувствовала себя какой-то потрепанной жизнью и очень несвежей. Все осложнялось тем, что она младше меня на целых пять лет. Мне даже мерещилось, что я на нее плохо повлияю. Что мама и папа просто запретят ей со мной общаться. Все-таки Саша нормальная, а я не очень.

Однажды я все-таки решилась. Ну что это такое, в самом деле, что я, совсем что ли, того? Не могу нормального человека в гости пригласить? Поговорим о книжках, черт с ним. Не обязательно рассказывать, что на выходных мы с Лелей ходили в «Грибоедов» и вернулись в пять утра.

Сперва Саша перебрала всю мою книжную полку, потом мы съели все пряники. Через час постучалась Леля:

– Можно?

Я сбегала за третьей кружкой и налила Леле чай.

Шла какая-то незамысловатая беседа, я уж думала, что вот, все прошло хорошо. Как вдруг Леля брякнула:

– А помнишь, Танька... – и захохотала, – а помнишь, как на Звездной на тебя раковина свалилась? Ты еще тогда с бодуна была?

Как не помнить. Я вылезала из ванной, мокрая, с дрожащими руками, оперлась на раковину, а она отвалилась, и так мы вместе в обнимку и рухнули на бетонный пол. Не очень было приятно.

Я наступила Леле на ногу и перевела взгляд на Сашу:

– Ну а что, Саш, как у тебя курсовая продвигается?

Саша охотно стала рассказывать, сама то и дело внимательно поглядывая на Лелю.

В конце концов мы с Сашей окончательно подружились и стали ездить друг к другу в гости.

После первого моего к ней визита я вернулась домой и вовсе деморализованная. Выяснилось, что не только Саша нормальная, но и мама у нее нормальная, и даже папа нормальный. Вообще абсолютно нормальная семья. Я такого уже тысячу лет не видела. Папа постоянно шутит, мама постоянно улыбается. Папа сам ремонтирует дом, мастерит авторскую мебель и даже шьет маме платья. Мама угощает нас супом по какому-то затейливому рецепту.

Саша живет в отдельной комнате, где все очень лаконично. Вдоль стены тянутся шкафы с семейной библиотекой. Мягкий диван. Стул, стол, на столе ноутбук и стопка книг, педантично разложенных в порядке очередности к прочтению.

Над столом портрет Сергея Бодрова.

Да, сначала был Бодров, с этого все началось. Но я так думаю, ребята, что и это все было абсолютно нормально. В тринадцать лет всякой школьнице положено клеить на стену постеры и любить какую-нибудь звезду. У меня тоже над кроватью висел плакат с Джоном Траволтой. Так что любить Бодрова – ну что тут непонятного, все ясно. Такие вещи проходят сами собой. Сегодня ты любишь какого-нибудь артиста или рок-музыканта и носишь фенечки с атрибутикой, а завтра замечаешь, что у тебя симпатичный сосед. Или мальчик из старших классов. Ну, а потом первые дискотеки, а потом институтская компания, все дела. А потом выходишь замуж за одноклассника. Нормально.

Но Саша не успела отлюбить Бодрова, потому что он погиб.

Она долго плакала, но продолжала делать то, что положено: ходить в школу, потом поступать в институт... В институте, кстати, у нас совсем не было мальчиков. Все они отчислились после первого курса. А со школьных времен у Саши сохранились подружки и даже близкий друг Антон. Саша меня с ним познакомила. Я вострила ушки и надеялась, что тут какие-то амуры. Но оказалось, что Антон любит не Сашу, а Леонарда Коэна, так что какие уж тут амуры, в самом деле.

И вот однажды Саша заговорила о Балабанове. На него она вышла через Бодрова, без конца пересматривая «Брата». «А что за режиссер?» – подумала, наверное, она. И понеслось!

Как бы ни шла любая беседа, все сводилось к нему, к Балабанову. Это уже менее понятно, да? Во-первых, режиссеров не любят так истово, как актеров. Да и что он, Балабанов? Низенький такой, бородатенький, весь под козырьком своей кепки.

Нет, и главное, почему Саша Сказкина – и Балабанов? Ну пусть бы... да я не знаю кто! Но вот такая Саша, как из колыбели, и – на тебе! Там же, в этих фильмах, людей убивают пачками! Или вообще какой-то невыносимый затяжной пи*дец, как в «Грузе 200».

Саша маниакально просмотрела все фильмы Балабанова и с нетерпением ждала новых. День она начинала с того, что изучала новости в Интернете на тему Балабанова: интервью, творческие планы, фотографии со съемочной площадки...

Я пыталась прощупать почву: ну, что это за любовь такая?! Вот мама мне рассказывала, что во времена ее юности все девочки хотели выйти замуж за Муслима Магомаева и родить от него детей. «Мусенька!» – мечтательно вздыхала мама. Слава богу, мама вышла замуж не за Магомаева, а за папу, и на свет появилась я. Я внимательно смотрела на Сашу и понимала, что нет, она вообще не хочет выйти замуж за Балабанова и родить от него детей. Более того, Саша вообще не собирается выходить замуж и рожать детей.

Тут мне стало казаться, что Саша не такая уж и нормальная.

Я говорила:

– Саш! Нуутебя же ведь перед глазами твоя счастливая семья. Мама любит папу, папа любит маму. Они любяттебя. Дом – полная чаша. Разве тебе не хочется так же? Завести свою семью?

– Нет, – решительно обрубала Саша, – нет, не хочется.

– Ну а как твои родные к этому относятся? Не влияют на тебя? Не пилят?

Мама у Саши работает детским психологом. Мне кажется, что при таком раскладе мама уже давно должна приглядываться к дочери и подсовывать ей женихов.

– Нет пока. Ну вот бабушка все время спрашивает, почему у меня нет молодого человека.

– И чё? И чёты отвечаешь?

– Да я что уж только не отвечала. В конце концов мне надоело, и я сказала: «Потому что у меня нет полового влечения».

– А она?

– А она сказала, что это не причина!

Саша высоко подняла брови и возмущенно засмеялась.

Мы с ней вообще постоянно смеемся, даже когда не особо смешные вещи обсуждаем. Да, мы дошли и до не очень смешных вещей. Однажды я решила сделать каминг-аут и изложить вехи своей биографии.

– У моего бывшего мужа дважды была белая горячка, – сказала я, и Саша расхохоталась. – А сейчас у меня женатый мужчина. С двумя детьми и кучей внуков...

– Ну Таня, ну Таня, – стала приговаривать Саша, и мы уже ржали на два голоса. Ну а что делать? Плакать?

Вот в ту пору, раз уж я раскрыла Саше свою душу, я решалась осторожно выпрашивать и про Балабанова. Потому что ведь загадка какая-то. Если это не подростковый фанатизм, то что?

Оказалось, это что-то тотальное. Мало того что она постоянно смотрела его фильмы и читала в Интернете новости. Она еще и постоянно про него думала. Утром, просыпаясь, и вечером, засыпая. И в течение дня тоже несколько раз. В плеере Саша носила саундтреки к его фильмам. Посвящала ему стихи. И даже писала про него рассказы. Ну и вообще, она как-то насквозь пробалабанилась, так что об этом знали все родные и друзья, и даже коллеги. При встрече знакомые спрашивали ее, как дела у Балабанова, что новенького. Коллеги приносили ей газеты с заметками...

А потом Саша написала ему письмо. Я уж, правда, не знаю, что там именно было написано. Но так думаю, что очень целомудренно, все про творчество. Спасибо, мол, что вы есть...

Это письмо она ему передала на премьере фильма.

Ответа не последовало.

Хотя Саша ждала.

Я ее утешала:

– Наверное, ты ему не задала никаких вопросов. Поэтому ему и отвечать не на что было.

– Беда в том, Таня... Что он ненавидит, когда ему задают вопросы! Ты знаешь, как он интервью дает? Этих журналистов просто пугают Балабановым! Он же вообще не публичный человек.

Саша продолжала отслеживать все доступные публике шаги Балабанова. Говорила:

– А сегодня он будет в «Порядке слов»...

– Пойдем? – вопила я, сама уже испытывая какой-то восторг.

– Нет, – вздыхала Саша.

– Как это?

– Ну а чего я ему буду глаза мозолить? Письмо отдала... Что еще теперь?..

И мы шли нарочно в какое-нибудь другое место. Хотя, ясное дело, все это время Саша думала, что Балабанов – вот он, через несколько кварталов от нас сидит и дает журналистам каверзные ответы на простые вопросы.

И больше она ни на какие встречи с режиссером не ходила.

Зато мы стали поговаривать, что можно выйти на другой уровень развития. Во-первых, если Саша будет писать рассказы, то может начаться какая-то литературная жизнь. Во-вторых, можно взяться за сценарии – и тогда попасть в кинематограф. Саша даже подумывала съездить в Москву на курсы сценаристов.

– Да, – кричала я, – да, точно! У тебя получится!

Но Саша не спешила. Мол, не так это просто, там для допуска к экзаменам нужно просмотреть несколько сотен фильмов, классических... А она, кроме наших современных, ничего особо и не видела... Балабанов вот...

Сам Балабанов не раз говорил, что он болен и жить ему осталось недолго. Но умер он все равно как-то неожиданно. «Сегодня умер Балабанов», – написала мне Саша. Мной немедленно овладела паника. Бедная Саша! Как она там? Плачет? И, самое главное, как теперь все эти планы? Рассказы, сценарии, кинематограф?.. Куда все это?

И как-то казалось, что все это неправда, как будто вот это очередная новость от Балабанова. «Снимает фильм», «Сказал в интервью», «Пишет сценарий». И вот – «Умер». И то, что больше новостей не будет, – непонятно.

Саша редела два дня. У нее поднялось давление. Мама отпаивала ее валокордином. Несколько суток Саша не выпускала трубку из рук и принимала соболезнования, как будто у нее умер близкий родственник. Друзья писали и звонили, сопровождали ее в церковь на отпевание и на кладбище.

И вот наконец мы решили встретиться.

Да нет, Саша вроде как всегда, только иногда на несколько минут как бы отключается и подвисает. О Балабанове думает, ясное дело.

– Ну как ты? – спрашиваю я.

– Плохо, Таня, плохо. Я даже читать не могу. Читаю – и не понимаю, что я читаю. Бесполезно...

– Ну это действительно плохо, Саш. Ты давай отвлекайся как-нибудь?

– Да как отвлекаться? Я все время про него думаю.

Я говорю какие-то общие фразы, что время лечит и еще, почему-то, что все там будем. Хотя это, кажется, слабое утешение, вообще не утешение, а черт знает что.

– Ну я ничего... мне все говорят – думали, что со мной хуже будет...

– Типа, недостаточно скорбишь?

– Ну типа да.

И мы хохочем.

– Но главное, – жалобно говорит Саша, – ведь ничего не будет больше, ничего... Ни фильмов... Что же теперь делать, Таня?

– Да то же самое делать, Саш, – неожиданно припечатываю я и сама пугаюсь своих слов. Типа, а что, в чем проблема, что переменилось? Жив Балабанов или нет – какая разница?

Ну а... в сущности... это же не мешает любить. Правда же? Ведь на этом любовь не заканчивается?

Я неловко опускаю глаза и думаю над тем, что я такое брякнула. Мне вообще очень неловко перед Сашей. Потому что я не смогла пойти с ней на отпевание, не оказалась рядом в трудную минуту, не поддержала и теперь вот несу всякую околесицу.

А не смогла я потому, что в этот день от меня уехал Коваленко.

24:61

Наша эра

Наш роман сразу приобрел характер сезонного, и это было как будто навсегда. Коваленко находился в том возрасте и в том статусе, когда у человека все давно решено и он двигается по заведенному расписанию. Зимой в городе, летом на даче. До четырех часов читает книжки, ходит к писателям, встречается с любовницей. После четырех едет к университету и встречается жену. Она до сих пор работает, а Коваленко последние годы уже не работал, ему хватало денег от аренды кафе. Потом в магазин за продуктами. Вечером рыба в фольге – семейный ужин.

В июле гостят внуки. В августе приезжаю я.

Так продолжалось два года. Я приезжала и зимой, но тогда было холодно и неприятно, встречаться особо негде.

Я жила в мухинской общаге, и Коваленко звонил мне на городской телефон раз в неделю, в понедельник, в одно и то же время. Я носила его кольцо на безымянном пальце правой руки. И писала ему письма. Если бы сейчас сложить все эти письма одно на другое, то получилась бы пачка мне по пояс, наверное. Но такой возможности нет: он их все уничтожил. Сохранились только поздние, электронные.

Вопросы верности и неверности мы с ним никогда не обсуждали, уговор был по умолчанию. Я жила «своей» студенческой жизнью. У Коваленки всегда была какая-то постоянная любовница, а когда приезжала я, он отправлял ее в отпуск. Говорил, что болеет или что гостят родственники.

Первой отправленной при мне в отпуск была Машка. Я видела ее фотографию: холеная пышнотелая баба разлеглась на диване. Очень большая. Я даже забеспокоилась:

– А если она узнает, что ты со мной?

– Глаза тебе выпарапает, яс-с-ное дело, – пообещал Коваленко.

Это меня не очень обрадовало. Весовые категории у нас были явно разные. Потом ее сменила какая-то художница, потом поэтесса, потом бардесса...

В офисе он мне однажды показал целую коллекцию портретов своих возлюбленных, которую хранил в ящике стола. Это была, конечно, малая часть. Так, по его примерным подсчетам, у Коваленки было сто женщин.

– Это много, Леша, это ужасно много, ты врешь, – не верила я.

– Ну так, а сколько мне лет, Таня? – восклицал Коваленко. – Раздели количество баб на годы, и получится очень скромная цифра. У тебя уже дело идет интенсивнее.

– Да, – отвечала я, – только бабий век короток. У меня в твоём возрасте уже не будет возможности так зажигать.

– Эт точно, – соглашался Коваленко. – Природа несправедлива.

Я не боялась сообщать Коваленке о своих приключениях. Напротив, он с нетерпением ждал от меня новых историй и, казалось, совсем не ревновал.

Может быть, мы оба были безнравственны и это нас роднило? Коваленко-то хоть какое-то время находился в рамках приличия. И только потом перепрыгнул барьер супружеской верности, после чего уже ни в чем себе не отказывал. А я с самого начала не придавала значения смене действующих лиц. Хотя никто мне не говорил в детстве, что так можно или нужно. Воспитание у меня было вполне пуританское. Но сама я чаще всего была в кого-то влюблена безответно, поэтому все остальные эпизоды нанизывались один на другой и не имели ключевого значения. Мне некому было хранить верность. Коваленко хохотал надо мной и приговаривал:

– Промискуитет чистейшей воды, Танечка.

Последней пересказанной историей стало мое замужество. Я написала Коваленке письмо, в котором извещала, что теперь мы, пожалуй, никогда больше не увидимся. «Хотя... кто знает?» – приписала я в конце и отправила.

И вышла замуж за Мишу Орлова.

Миша был первым, кто хоть как-то ответил на мои чувства и решился разделить со мной дом, быт и досуг.

Как я у него оказалась? Андрюша меня притащил к нему в гости в пору прогулок по крыше.

Мишина фигура сразу приковала мое внимание. Во-первых, поэт. Во-вторых, поет песни. И кроме этого, ничего не делает, то есть, понимаете, всю свою жизнь посвящает таланту. Бескомпромиссная такая личность. Мне захотелось к посвящению таланту присоединиться.

Обосновавшись в Питере, я стала к Мише заглядывать и все чаще пропускать занятия. Через два года заглядываний мы решились пожениться. А из Мухи я вылетела.

Семейная жизнь моя походила на кавардак.

Стихам и песням отдавалась треть Мишиного времени. Вторая треть плавала в алкоголе, третья треть дрожала с похмелья. Такое соотношение я установила, когда стала вести дневник жены алкоголика и ставить в календарике крестики и нолики.

Мне было двадцать один, а Мише тридцать семь. Я была не уверена в себе, а Миша не сомневался в своей гениальности. Очень быстро он как-то подмял меня под себя. Я оставила мухинских друзей, перестала где-то бывать и вообще позабыла свои слова. Мир сузился до мира Мишиной квартирки. Впрочем, когда Миша бузил, я отправлялась гулять сама по себе или коротала время в интернет-кафе.

Однажды, проверив почту, я удивилась: писала Белка. Странно, у нас уже давно дежурные отношения, с Новым годом поздравить, то-сё... Какой повод?

«Таня, недавно я узнала, что умер Иннокентий Александрович Ярославцев, – писала Белка. – Говорят, что покончил жизнь самоубийством». Я ахнула. Казалось – нет, приеду в Томск, так же войду в Писательскую, он так же отложит в сторону рукописи...

На следующий день я позвонила Коваленке. Долгое время я о нем совсем ничего не знала.

Номер у него, на удивление, был тот же, и он меня узнал.

– Я сразу подумала о тебе, – объяснила я. – Как ты?

– Да как. Сам лежу в кардиоцентре. На похоронах не был.

– А что случилось с Ярославцевым? Что?

Коваленко рассказал, что Ярославцев болел диабетом, долго и мучительно, и к нему подобралась уже последняя стадия, когда светит гангрена. Это во-первых. Во-вторых, у него отобрали журнал и сместили с председательского поста. В-третьих, у Ярославцева был роман с несовершеннолетней девочкой из нашей же школы. Из тех пятиклашек выросла, наверное. Это дело раскрылось и грозило чудовищным свинским скандалом.

– Но самое главное, Тань, он хотел стать известным... А ты знаешь, что все книжки, которые у него вышли, – они все за его счет были выпущены... Ну и выбросился из окна.

Я поняла, что совсем не знала Ярославцева. И мне стало еще паршивее от всех этих историй. В этот вечер мы напились с Мишей вдвоем, и я ревела, сидя на полу и привалившись к дивану. Ярославцева было жаль.

Через три года я стала постепенно из-под Миши выползать. Замужество мое сошло на нет. Я перевезла вещи к Леле на Звездную, взяла билет и отправилась в отпуск. В Томск. Чувствовала я себя как после тяжелой болезни. Еду вот на рекреацию...

В деле восстановления сил Коваленко мог оказаться очень кстати. Помнит ли он меня? Я набрала знакомый номер. Не сразу, сначала сверяя каждую цифру. Боясь, что никто не ответит или ответит кто-то другой.

– Алексей Николаич? Это Таня Коржуткина. Помните меня?

– Как забыть, Танечка?

– А я от мужа ушла.

– Это оччень, оччень хорошая новость, – обрадовался Коваленко.

И назначил мне встречу в его дворе. «Там машина такая, башмачком, – объяснил он. – Я буду в ней тебя ждать».

Я долго репетировала нашу встречу, но вошла во двор все равно дрожа как осинный лист, не зная, чего ожидать.

Коваленко сидел в башмачке. «Полысел» – это было первое, что я подумала. С досадой. Преодолев смущение, Коваленко с жаром меня поцеловал так, что у меня пресеклось дыхание. Целовался Коваленко всегда взасос, а с Мишей мы это делали одними губами, и я забыла, как нужно управляться с языком, который Коваленко мне запихивал в рот.

Но так был разбит лед скованности, и мы, как некогда, отправились в Ключи.

Сначала казалось, что все вернулось на круги своя, как будто мне девятнадцать. Я так же торжественно мылась по утрам и прыгала в такси. Мама мне даже сказала, что я похорошела.

После Миши мне все это показалось сказкой. Никто не кричит на меня, никто не говорит, как мне надо жить, никто не пьет запоями и не лишает меня сна. Коваленко кормил меня с ложечки и возил за грибами. Мне казалось, что впервые в жизни я счастлива.

Но тогда-то и произошел этот сдвиг... или, вернее, начал происходить. Зашевелились тектонические плиты. Но мы пока только ощущали легкие толчки.

В ту пору Ангелина уехала к дочери в Красноярск, и Коваленко мне сказал решительно:

– Я хочу, чтобы ты пожила со мной. А завтра к шести утра приезжай, поедem с мужиками на рыбалку.

«Блин, а что же я маме скажу? – заметалась я и тут же себя одернула: – Боже мой, я женщина в разводе, а не школьница. Могу я иметь любовника, в конце концов?»

Вечером я зашла к маме в комнату и сказала:

– Мама, у меня есть любовник.

– Рост, вес, образование? – запросила мама, не отрываясь от монитора.

Я сказала обо всем. И о жене. Мама долго молчала. Наконец вздохнула и обернулась:

– Ну что я тебе могу сказать, Танечка. Я одному рада: что ты от Миши отвязалась. Думала, что ты еще долго не сможешь от него избавиться. Но имей в виду, – предупредила она, – что никогда он жену не бросит. Женатый мужчина всегда возвращается в семью.

– Да я как-то... и не стремлюсь... – растерялась я. – Мы вот завтра на рыбалку собираемcя. И еще это, – замялась я. – Я поживу у него недельку. Жена в отъезде...

– А она там не вернется, жена-то? Смотри, обольет тебя серной кислотой...

– Мама! Мама!

И я убежала к себе, лечь пораньше, чтобы ехать на рыбалку.

В шесть утра я была в Ключах. Прокралась, как тать, к его кровати. С ужасом представляя, что Ангелина действительно не уехала, а сторожит меня с серной кислотой наготове.

Половица скрипнула, и Коваленко резко сел на кровати:

– А ну-ка давай ко мне!

– Опоздаем!

– Не опоздаем!

И я нырнула в его нагретую за ночь постель.

После мы резко собрались и отправились на встречу.

На Фрунзе нас поджидали коваленковские друзья, тот самый его партнер Богданов, с редким теперь именем Яков, и еще один, с не менее редкой фамилией Фельтен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.